

ОРУЖЕЙНИК

A man with reddish-brown hair, wearing green tactical armor and a vest, stands in a lush jungle. He is holding a large, futuristic, multi-barreled rifle. In the background, there are dense green plants and a stone pyramid-like structure. The overall scene is misty and atmospheric.

Дмитрий Казаков

ВОЯКА
СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Дмитрий Львович Казаков

Вояка среднего звена

Серия «Оружейник», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68696064
Д. Казаков. Вояка среднего звена:*

Аннотация

И вновь продолжается бой.

Операция не помогла дочери Егора, и он вынужден снова отправиться в мир громадной звездной империи, где всегда нужны наемники, готовые сражаться за деньги. Опять у него в руках автомат и инструменты, вокруг джунгли Бриа, а рядом боевые товарищи.

Вокруг него плетутся интриги, на него имеет виды не только контрразведка и аборигены, но и странная секта, которая вроде бы уже не существует много столетий...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	70
Глава 6	86
Глава 7	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Дмитрий Казаков

Вояка среднего звена

Дмитрий Казаков

* * *

Глава 1

Из желающих прикончить меня можно составить длинную очередь.

Тут вам и тайное общество, и враждебные инопланетяне, звездные принцы и их кровожадные подручные, ретивые контрразведчики и просто личные враги, которые не любят меня только потому, что я – это я. Я влез в разборки между несколькими цивилизациями, каким-то макаром зацепил драку за трон и ухитрился поцапаться с женой!

Не слишком ли много для одного человека?

Нет, если он осознанно пошел на риск ради любимой дочери.

* * *

Повара в нашей столовке, судя по всему, расстреляли за измену родине и лично товарищу Гегемону. Но на его место ухитрились найти другого, еще лучше, и тот решил любой ценой остаться в живых.

По крайней мере все, что я пробовал, заходило в меня с треском и чавканьем: блинчики с мясом, политые маслом, рыбные фрикадельки с фруктовой начинкой, освобожденные от панцирей раки вроде наших, земных, только чуть

больше, истекающие жиром куски мяса, ради которых погибли то ли свиньи, то ли бараны, то ли вообще какие-нибудь чешуйчатые рогатые твари.

Но орудуя ножом и вилкой, я совсем не думал о том, что это за живность.

– Ну вапще... класс... ой... – изрекал Макс, набивавший утробу рядом.

Дю-Жхе жевал молча, не отставали от него прочие опытные бойцы, а вот новички, которых к нам прислали буквально несколько дней назад, оживленно болтали, вспоминая сегодняшней бой.

На линкор мы вернулись буквально только что, измученные, мокрые и грязные. Отправили же нас в поле буквально на следующий день после моего перехода с Земли, так что на «Гневе Гегемонии» я не провел и суток, и у меня не было шансов заняться тем делом, ради которого я сюда явился.

– Как я его, а? Одной левой? Викинг я или где? – басом вопрошала наша с Максом землячка, мужеподобная шведка по имени Марта, отмороженная на всю белобрысую круглую голову.

Поначалу я обрадовался, увидев ее, но быстро понял, что с этой дамой каши не сварить. Еще большую «радость» мне доставил появившийся у меня под началом игва, сородич Молчуна, весь кривой и перекошенный, как сухое дерево, и умевший изъясняться так неразборчиво, что перед ним пасовал даже переводчик.

Прибор этот я включал редко, поскольку в общем языке наблатыкался так, что разбирал почти все и говорил без проблем... хотя последнее было не обязательно, меня поняли бы и так. Спасибо Етайхо, которая потратила кучу времени и сил, чтобы научить меня, а потом собственной смертью избавила меня от серьезной проблемы.

Как может разумное существо с такой легкостью принести себя в жертву ради каких-то принципов?

При воспоминаниях о гирванке настроение у меня испортилось, даже десерт – многоярусная башня из «шайб», наполненных кремом разного вида – утерял часть вкуса. Вспомнились все погибшие за то время, которое я провел на «Гневе Гегемонии»... десятник Йухиро, сержант-техник Диррг, Диль... и ладно бы от руки врага, многих ведь убили свои.

– И как я тогда попала? Валькирия я или кто? – продолжила похваляться Марта.

– Однажды Первый Охотник выпил много мухоморовой настойки, – заговорил Дю-Жхе, и как обычно, все замолчали: даже самые тупые новички уже осознали, что когда ферини начинает рассказывать свои байки, то лучше слушать. – Развел большой костер. Уселся около него и стал хвастаться своими подвигами... как он еще в колыбели удушил Змей-Призраков, как он победил Катящегося Медведя, как встретился в горах с Оползнем-Ползуном и загнал того в ущелье, откуда тот не мог выбраться...

Уж лучше очередная легенда племени, от которого остался вот этот невысокий, узкоглазый тип, лучший стрелок, которого я знаю, чем многословная болтовня о банальной стычке: патрулировали лес, налетели на отряд бриан, немножко постреляли друг в друга, у нас пара раненых, у них наверняка тоже, а все похвальбы Марты о ее великих победах не более чем пустой треп.

– Охотник рассказывал и рассказывал, и пламя в костре начало менять свой цвет, – продолжал Дю-Жхе, – а языки его корчились, словно испытывали боль от собственного жара. Наконец они сложились в изогнутый рот, который произнес в треске и шуршании раскаленных углей...

Что именно выговорило задолбанное хвастуном пламя, я не услышал, поскольку рядом с нашим столом объявился некто высокий, плечистый, с лысой головой и красной мордой, на которой сверкали такие же алые глаза, один побольше, другой поменьше.

– Смирно! – рявкнул он.

Равуда! Приятный бонус к службе!

Загромыхали отодвигаемые стулья – когда центурион приказывает, нужно подчиняться. Я нехотя отложил ложку и поднялся, задрал подбородок, глядя в эту ненавистную физиономию.

Когда уже бриан наконец пристрелят его?

– Развлекааетесь? – прошипел Равуда, раздувая ноздри. – Треееплетесь?

За спиной у него, как обычно, маячил Молчун – бледная уродливая физиономия, тонкие губы, похотливый взгляд, после которого хочется вымыться в душе, да с мылом, да пару раз. И рядом с ним – еще парочка здоровяков, нечто вроде личной охраны, хотя ни в какой охране мой заклятый друг не нуждается, сам как боец стоит пятерых.

– Никак нет! – отчеканил я. – Производим прием пищи в специально отведенном помещении!

– О да, да, конечно... – Равуда двинулся в обход стола, по дороге отвесил подзатыльник Ррагату, и тот качнулся, едва не упал физиономией в стол, лицо его исказилось от ненависти.

Ну да, кайтерит, ставший в очередной раз моим командиром, умел вызывать к себе любовь. Последние дни он вел себя на редкость спокойно и аккуратно, почти не обращал на меня внимания, и это внушило мне надежду, что может быть этот гад наконец успокоился, забыл обо всем, что было раньше.

Но видимо нет.

– А ты ничегоооо... – пробормотал Равуда, осмотрев Хэль, еще одну новенькую, из народа вилидаро.

Та покраснела до коней роскошных черных волос, и я краем глаза заметил, что лицо Юнессы перекосилось от гнева. Ну да, она побывала у кайтерита в койке, и покинула ее во все не с самыми радостными воспоминаниями.

– Смирно, десятник, я сказал – смиирно, – протянул он,

очутившись рядом со мной.

Я вытянулся так, что в спине захрустело.

– И это существо кем-то командует? – Равуда вздохнул, и его тяжелый, угловатый кулак врезался мне в поддых.

Ладно еще я был готов и успел немного сдвинуться, чтобы удар хоть частично приняли на себя ребра. Но все равно от боли я задохнулся, в голове зазвенело, перед глазами заплясали черные круги.

Но я не согнулся, даже не склонил головы – только не на глазах своих бойцов.

– Служба – это наслаждение... мне ли не знать? – выплыл из звона в ушах ненавистный голос Равуды.

Я пытался дышать, вталкивая в себя воздух маленькими порциями, но получалось не очень хорошо.

– Не слышу ответа! – рявкнул центурион, и я ощутил ухом и щекой его раскаленное дыхание, капельки слюны, что едва не прожигали кожу.

– Так точно... – ухитрился выдавить я.

– Хреново отвечаешь, – протянул Равуда.

Твою мать, и стоило пройти две кампании, стать десятником, выжить в десятках боев и вернуться из плена, чтобы этот упырь мог издеваться надо мной так же, как в первый день в казармах?

Мне прилетело второй раз, на этот раз в живот, и утрамбованная в него жратва недовольно квакнула. Накатил рвотный рефлекс, и сдержал я его с немалым трудом, непонятно

какими уже резервами стойкости.

А то не хватало еще облевать старшего по званию. Измена, не иначе!

– Центурион, ты потише... – подала голос Фагельма, чей десяток насыщался за соседним столом.

– Криворуким слова не давали! – гаркнул Равуда.

Но если бы не она, то наверняка он врезал бы мне и в третий раз, а так всего лишь нагнул к уху и зашептал:

– Убить я тебя не могу, волосатик, о да, дааа... это очень жааль... вот прямо здесь... Вилкой выковырять твои глаза... расковырять брююююю... и смотреть, как тыдохнешь...

Я молчал, понемногу приходя в себя.

– Отрезать то, что у тебя между ног болтается, – продолжал Равуда. – Пажаарить... Заставить сожрать. Эх, не могу... Разве что в лесу, где нет камер, нет командииров... Тооолько мы...

– Да ты струсишь, как обычно, – выдавил я.

Ну как всегда – собственный язык мне такой враг, что никаких центурионов не надо.

Но Равуда только рассмеялся.

– Зато я могу сделать так, что ты сам повесишься, – сообщил он радостно. – Довести. Раньше я спешил, был нетерпелиив... Но теперь я буду действовать медленно, спокойно. Только ты все равно умрешь... и твоя дочь тоже.

Вот последнего ему говорить точно не стоило!

Кровь бросилась мне в голову, стало жарко, кулаки сжа-

лись сами собой, а волосы на затылке встали дыбом. Самое время броситься на красноглазого урода, и для начала уронить его на пол сильным ударом в челюсть.

Но тогда... тогда меня точно отправят домой, на Землю, к Сашке.

И я не смогу добыть то, ради чего я тут нахожусь, ради чего я готов вытерпеть все, что угодно... ну, почти.

– И кто тут струсил? – спросил Равуда.

Я медленно, преодолевая сопротивление перекрученных судорогой мышц, разжал кулаки. Затем повернулся к центуриону, посмотрел прямо в его физиономию, в глаза цвета крови, один больше другого едва не в два раза.

– Я струсил, так точно.

Еще год назад я бы и сам себе такого не сказал, а тут перед толпой соратников, тех, кем я командую. И сейчас я ощутил мгновенную, но острую вспышку стыда – точно укол прямо в сердце.

Но быстро ее погасил... значение имеет только одно, Обруч, который я должен найти. Отыскать в громадном летучем городе под названием «Гнев Гегемонии», и привезти дочери, а для этого одолеть все препятствия, какие только можно представить, в том числе и те, что внутри меня.

Равуда резко повернулся и зашагал прочь, свита во главе с Молчуном двинулась следом.

Я стоял, тяжело дыша и вытирая со лба пот, я думал о том, сколько я протяну в лапах такого командира. Я знал, что

он использует первую же возможность, чтобы избавиться от меня, не станет медлить, если получится убить меня быстро, сразу, без мучений, но наверняка.

И это значит – времени у меня не так много.

* * *

Новый универсальный станок у меня был такой же, как старый, даже чуть лучше. Идеальная штука, чтобы возить-ся с оружием в полевых условиях – доводить, чинить, совершенствовать.

Установили его мне в оружейке, и я проводил там все свободное время.

Увы, но снаряга, которой Гегемония снабжала своих защитников, лучше не становилась. Автоматы выглядели так, словно валялись на полу склада лет пять, шлемами интенданты явно играли в футбол, а бронезащиту грызли особенно голодные и неразборчивые крысы. О маскировочных сетях или полевых ботинках, которые обычно просто не работали, я вообще не говорю.

Поэтому пахал я будь здоров, и ничего удивительного, что очередной класс словил в тот момент, когда высверливал глушитель – в исходном варианте он вообще не налезал на ствол. Браслет мой брякнул, над ним высветилась красивая синяя цифра «двенадцать», замерцала сумма опыта... пре-высил тридцать пять тысяч, и это значит, что четыре тысячи

можно распределить.

Да, свое знание оружия я прокачал достаточно, я примерно представлял устройство всего, с чем может иметь дело пехотинец – танка, транспортера, бортового орудия, даже самолетов. Но нигде в мануалах не было ни малейшего упоминания, как работает система социальной мобильности, на которой во многом держалась Гегемония.

Интересно, до какого класса надо дорасти, чтобы получить доступ к этой информации?

Так, с опытом все же надо разобраться – пять навыков, которые доступны всем бойцам, силой, меткостью и скоростью я особенно не занимаюсь, наращиваю по остаточному принципу, а вот о выносливости вспоминаю регулярно, без нее я давно кинул бы копыта в джунглях; пятый – это знание оружия, только на него у меня ушло почти десять тысяч; пять навыков командирских, и тут я решил добавить побольше на лидерство, глядишь чуть увереннее буду чувствовать себя в роли командира, ну а память, хитрость, знание стратегии и ориентация подождут своего часа.

Уф, справился, можно дальше работать руками.

– Ну, иди к папочке... – пробормотал я, вынимая из креплений подсверленный глушитель.

На этот раз я сумел накрутить его на ствол, но недостаточно глубоко.

– Зарраза... – кряхтя и пыхтя, я принялся снимать непокорную деталь, чтобы еще разок проехаться по ней сверлом.

Или взять другой? Вдруг с ним пойдет лучше?

Глушителей у меня был с десяток, один другого «лучше» – ржавые, перекошенные так, словно по ним лупили молотком, с трещинами и разломами, то есть совсем никуда не годные. Даже глядеть на них не хотелось, поэтому станок мой вновь зажужжал, по оружейке поплыл запах разогретого металла, на базу станка полетела серебристая стружка.

И тут я решил позвонить жене.

После возвращения на линкор я пару раз пытался, но всякий раз система связи, встроенная мне в голову, отказывалась работать – я просто не ощущал, что она существует. Тиззгха в нашей когорте не появлялись, так что высказать претензии мне было некому.

Я напрягся, представил, что на переносице у меня вырастает древесная почка, распускается.

– Ой, – только и сказал я, когда понял, что получается.

В дверь оружейки заглянул Везиг, начал что-то говорить, но я его не услышал – меня уже окутал пузырь тишины, отрезал от прочего мира. Поэтому я замахал на него, а когда понял, что боец-вилидаро ни черта не понимает, рывкнул:

– Отвали!

– Это ты мне? – спросила Юля. – Прекрасное начало. Сразу видно, что соскучился.

От одного ее мягкого, звучного голоса у меня стало тепло на душе, и не только на душе. Понятно, что в оружейке не холодно, но тут я мигом вспотел, как в одну из тех ночей,

которые мы с ней провели вместе.

Вспомнил разом все... бархат ее кожи, напрягшийся сок между губ... скользкие по моей спине ладони... жар ее собственного тела, такого гибкого и сильного, и в то же время хрупкого... Эх, если бы я мог ее обнять прямо сейчас, прижать к себе, погладить по волосам, заглянуть в глаза!

– Да не тебе, – буркнул я. – Ходят тут всякие, разговаривать мешают. Дело такое.

Везиг тупо пялился на меня, открыв рот, и я продемонстрировал ему кулак, показал на дверь – исчезни!

– Променял меня на этих всяких – терпи! Эх, ты, – в голосе Юли звякнул металл.

Расстались мы не очень хорошо, и понятно, отчего – она не хотела, чтобы я уходил, снова рисковал жизнью, ведь непосредственной опасности для жизни Сашки нет, ей куда лучше, чем даже после первой операции. Но я решил, что проблему нужно решить раз и навсегда, и понадеялся, что жена остынет, передумает, простит.

И тут такой тон!

От этого металла руки у меня дрогнули, и глушитель качнулся чуть в сторону, станок недовольно взвизгнул.

– Чтоб я сдох, я тебя ни на кого не променял и не променяю! – я торопливо вытащил глушитель из крепления: вот зараза, испорчен, и это значит, что придется возиться с другим.

Везиг по-прежнему топтался у двери, лилово-серое лицо

его было искажено недоумением.

– А по-моему, променял, – сказала Юля.

Я легко мог представить, вызвать из памяти ее лицо, такое красивое, такое родное – сотни раз я видел его искаженным от страсти, в поту, с затуманенными от наслаждения глазами, и радовался, понимая, что ей рядом со мной хорошо. Но сейчас из памяти выплыл другой образ жены – слегка нахмуренной, с прикушенной нижней губой.

О, если губа прикушена, то это все, то другая женщина была бы тарелки и орала.

Я показал бойцу кулак и показательно отвернулся, чтобы этот идиот хотя бы не маячил перед глазами.

– Э... но на кого? – спросил я. – Ты что, ведь я...

– На тех баб, которых ты там наверняка щупаешь, – перебила меня Юля, и все возбуждение, которое я испытал, только услышав ее голос, схлынуло, остались разочарование, печаль и раздражение.

– Да какие бабы?! – воскликнул я. – Что за ботва началась?

Я и правда на других женщин старался не смотреть, хотя и близняшки-веша бросали зазывные взгляды, и Юнесса все так же потряхивала грудями, за которые взгляд цеплялся сам, и новенькая-вилидаро была такой красавицей, что не только закачаешься, но и упадешь в койку вместе с ней. Но я крепился и держался, помнил, что я тут ради семьи, ради дочери.

– Ты бросил нас. Ты ушел.

– Да никуда я не ушел! – я оглянулся и с облегчением увидел, что Везиг наконец свалил.

– Да? – ядовито спросила Юля. – Мы сидим у нас на кухне и пьем чай?

Я никогда не слышал, чтобы она разговаривала так.

– Ты чего? – спросил я ошеломленно.

– Первые два раза я готова была понять, – продолжила она все более и более напряженно. – Я терпела и ждала, поскольку я люблю тебя. Но сейчас ты просто сбежал. Удрал. Нельзя же так!

– Я пытаюсь добыть то, что вылечит Сашку навсегда! – отрезал я.

– И что это?

– Ну... – я замялся: рассказать жене о том, где я и чем именно занимаюсь, я не мог; начни я вещать про Гегемонию, что раскинулась на сотни звездных систем, про линкор и сражения в джунглях на другой планете, Юля мигом решит, что я вру как сивый мерин. – Понимаешь, я тоже тебя люблю!

– Очень сомневаюсь.

Ну вот, и универсальная фраза-успокоитель не сработала... что ж за засада сегодня? Сначала Равуда докопался до меня в столовке, теперь вот любимая жена разговаривает как с врагом!

– Но что мне сделать, чтобы это доказать? – спросил я.

Юля выдержала паузу, и я вновь представил, как она си-

дит у нас на кровати, грива светлых волос отброшена на плечо, как она любит, в растянутой майке и шортах, как почти всегда дома... И мне до боли в животе захотелось туда, к ней, домой, прочь от этой обрыдшей войны.

– Возвращайся к нам. Немедленно, – это прозвучало как приговор.

– А что с Сашкой тогда?

– Я говорила уже, что могу обратиться к родственникам, – это было сказано без особой уверенности.

– К тем, с которыми ты не общалась много лет? – спросил я, не пряча сомнений.

– Это неважно! Они помогут.

– Я в это не верю, – я покачал головой. – Ты мне не рассказываешь, но как-то оно... Наверняка им наплевать на тебя и твою дочь. А мне нет. Я хочу, чтобы Сашка выздоровела. Совсем.

О мою ногу потерлось нечто мохнатое, и опустив взгляд, я обнаружил Котика. Вопросительно изогнув хвост, он посмотрел на меня, замерцал черными глазами с золотом зрачков.

– И я, – тут голос Юли стал совсем ледяным. – Поэтому либо ты возвращаешься. Либо... я подаю на развод.

Меня словно бревном ударили по голове, показалось, что стены оружейки рушатся.

– Э... да ты что... как? Зачем? – забормотал я.

– А вот так. Пока, – и она отключилась раньше, чем я

успел сказать хоть что-то внятное.

– Хр, – сказал Котик, неодобрительно шевеля окисточенными ушами.

– И не говори, блин... – я напрягся, пытаюсь установить соединение вновь.

Нет, мы не договорили!

Все получилось, я ощутил контакт, но в следующий момент он лопнул, точно порванная струна. Я попытался снова, и повторилось то же самое, я почти физически ощутил, как рвется связь. В третий удар оказался сильнее, и в ушах у меня зазвучали короткие гудки – то ли настоящие, то ли выдуманные.

Это что, Юля сбрасывает, не хочет говорить? Вот это поворот!

Глава 2

Я лежал, вжавшись мордой в мягкую землю Бриа, с которой почти сроднился за эти месяцы. Очереди стригли небо над нашими головами, неподалеку рычал полуживой огнемет, и оставалось только молиться, чтобы он не забрел в нашу сторону – окопов мы вырыть не успели, влетели на врага с ходу.

Гроыхнул разрыв гранаты, другой, пара осколков ударила мне по шлему, и я понял, что пора убираться, иначе все тут и останемся.

– Дю-Жхе, что сзади? – спросил я в микрофон.

Систему связи я установил в шлемы ближайшим друзьям самолично, поскольку рядовым бойцам ничего такого не положено.

– Чисто. Но заходят справа.

– Давай отходить. Ты веди, чтоб я сдох, – приказал я, приподнимаясь. – Огонь, все!

Автомат задергался в руках как попавшая в сеть рыба, задвигалась по забралу алая точка прицела. По касательной меня зацепило в плечо, но бронезащита выдержала, я даже на ногах устоял, только покачнулся.

– Назад! Всем отходить! Назад!

И плевать, что я не дождался приказа Равуды, который упорно не отвечает на мои вызовы.

Рядом вскочила на ноги Юнесса, сверкнули под забралом ее синие глаза, дальше поднялся Прагат. Пригнувшись, стреляя на ходу, они бросились через жидкие заросли туда, откуда мы недавно пришли, к тянущейся через лес дороге, где наша бронетехника, где по нам не дадут лупить так безнаказанно.

Взревел огнемет, язык пламени потянулся через лес, толстые стволы начали вспыхивать как спички. С визгом ринулись прочь обитающие в листве крылатые твари цвета пепла, посыпались чешуйки. Один из новичков вскрикнул, в панике ринулся прочь, сбивая с плеч языки пламени, но его тут же поймали, швырнули на землю – водой эту дрянь не потушишь, а уж бегать с ней вообще не рекомендуется.

С гулом упал один лесной великан, второй накренился и повис на лианах как башня на тросах.

– Сзади чисто, – доложил Дю-Жхе. – Вижу наших.

– Слева чисто, ух мы им покажем! – это Макс.

– Отл... – начал я, и тут обнаружил, что один из бойцов остался на месте.

Везиг сидел на четвереньках, ошалело крутил башкой, и над ним нависало пылающее, готовое рухнуть дерево.

Вот черт!

Я бросился к нему, не колеблясь, ни на секунду ни задумавшись о том, что и как. Ухватил за плечо, рванул на себя, обнаружил белое, перекошенное лицо, выпученные глаза, в которых плескался страх.

– Шевелись! – рывкнул я и потащил за собой.

Мы одолели буквально несколько метров, и тут лианы лопнули и дерево пошло вниз. Окутанная пламенем громада шарахнулась оземь там, где Везиг сидел только что, в стороны полетели алые головки, одна шарахнула меня в бок с такой силой, что я едва не свалился.

– Ой-ой-ой! – тонко воскликнул вилидаро, и на лицо его вернулось подобие жизни.

Второе дерево упало прямо перед нами, в лицо пахло жаром, мы окунулись в огненный ад. Я глотнул гари, закашлялся, но потащил бойца дальше, на открытое место, подальше от бушующего пожара.

Бриан взяли нас на прицел почти тут же – очередь прошла спереди, другая сзади.

– Лечь! – рыкнул я, и Везиг упал уже сам. – Сеть!

Маскировочные сети у всех своих проверял и чинил лично я, поэтому они всегда работали.

Мир вокруг поблек и задрожал, краски выцвели, пожирающий стволы огонь стал не таким ярким. Но и мы сами для всех со стороны превратились в размазанные пятна, полосы теней на земле, пустое место.

– Помилуй нас Святые Предки, – бормотал Везиг, за которым я раньше не замечал особой религиозности. – Гегемона Силой и Светом мы сохраняем ясность разума, да пребудет он с нами вечно, приносящий Главную Жертву, и оборонит нас от недругов, зла желающих. Милостью его в благолепии

пребываем мы, и милостью его пребывать и далее будем, за что вознесем же хвалу ему...

– Егор? – прорезался в наушниках голос Дю-Жхе.

– Живы, – ответил я. – Сейчас вакханалия окончится – выйдем. Пока дело швах.

Бриан не лезли вперед, но стреляли с таким рвением, словно я лично им чем-то насолил. Они не видели нас, но примерно догадывались, где мы можем быть, так что смерть шарила пальцами вслепую, но знала, где нас искать... а если откажут сети, то все, нам крышка.

Везиг закончил молиться, всхлипнул несколько раз и неожиданно сказал:

– Десятник, прости меня.

– За что? – спросил я, высматривая путь, по которому можно двинуться ползком. – Давай, пожалуй надо шевелиться.

– Я предал тебя. Я не хотел... но он меня заставил! Клянись Светом Гегемона!

Тут мне стало холодно, несмотря на бушующее рядом пламя.

– Ктоблин?

– Трибун Геррат! Он обещал мне дать еще денег! А они мне нужны! Не для себя! Десятник! У меня тройня, надо кормить! Жена дома, я тут... и я согласился ему докладывать. Только я не хотел...

И дальше он скатился в нестройное бормотание, переме-

жаемое всхлипами.

От ярости я на мгновение забыл о том, где я нахожусь, и что вокруг идет бой. Захотелось отключить маскировку, взять за грудки этого мудака, которого я только что спас от смерти, и встряхнуть как следует, а потом дать по морде.

Но я сдержался.

Он сделал это не ради себя... он просто трус... и он в конечном итоге признался... вспомни, как ты сам едва не стал стукачом, и только благодаря везению в конечном итоге не стал... и Геррат способен превратить в свое оружие кого угодно, а уж этого простого парня...

– Почему раньше не сказал? – прошипел я.

– Я боялся... У меня трое детей... мне кормить... я деньги... – и дальше последовали многочисленные «я не хотел», и обрывки молитв Гегемону. – Не убивай меня, десятник. Только не убивай!

Я сглотнул пересохшим горлом.

Ну да, у тебя трое, и ради них ты пошел на такое, у меня одна, и ради нее я... эх.

– Дело такое, – сказал я. – Сейчас мы с тобой выберемся отсюда. Медленно и спокойно. Ты никому больше не скажешь, что работаешь на Службу надзора. Понял?!

– Да, да... – я не мог его видеть, но Везиг наверняка закивал.

– И продолжишь докладывать Геррату, как раньше, чтобы он ничего не заподозрил.

– А чего? Это как?

– А вот так. Никаких умолчаний, искажений, ничего. Ты можешь быть не один такой.

Судя по судорожному всхлипу, это не приходило виллидаро в голову.

– Все понял? Не слышу ответа! – рыкнул я.

– Так точно!

– Вот и хорошо, – я приподнялся, на руках, осматривая заросли. – А теперь за мной. Быстро...

* * *

– Итак, вашу мать, это автомат, называется он «Игла», – подробности я опустил, поскольку новички и так смотрели на меня без понимания и приязни: упасть бы и поспать, а этот урод-десятник заставляет возиться с оружием. – И он не раз спасет вам жизнь... – пауза, – только если вы будете правильно за ним ухаживать!

Красавица-виллидаро по имени Хэль, которую муж вышвырнул из дома, когда она оказалась бесплодной, а родители не приняли дочь обратно, потому-что это позор на весь род...

Игва, откликавшийся на Орз-Банга, аристократ, проигравший себя в карты и отправившийся в армию, чтобы отдать долг, оставивший дома беременную жену – это я из его бормотания понять сумел.

Отмороженная на всю голову лесбиянка-шведка Марта, адреналиновая наркоманка, попробовавшая весь экстрим, который ей только предоставили на Земле, и решившая поучаствовать в настоящей войне...

Другие, всего восемь бойцов, почти все взяли автомат в руки впервые несколько дней назад и сразу пошли в бой. Им не досталось даже той рудиментарной подготовки, которую обеспечил нам в свое время Йухиро.

Возились мы на травке рядом с палаткой, что стала нам домом вчера вечером. Окутанный туманом лагерь понемногу затихал, доживая последние пятнадцать минут перед отбоем, только шумел в кронах ветер.

– Оружие надо чистить, смазывать и делать это регулярно, – сообщил я. – Дело такое. Повторяй за мной...

Собирать и разбирать «Иглу» они уже умели, но справлялись медленно и не всегда. Возиться с тряпками и маслом им ни капли не хотелось, но я был совершенно безжалостен – заклинит у такого лентяя автомат во время боя, и погибнуть может не только он, но и другие.

А я жить хочу, мне еще домой возвращаться... да и друзей терять не хочется.

Терял уже, хватит.

– Так-так, правильно, – подбодрил я Хэль. – Руки замарать не бойся... отмоешь потом.

Краем глаза я заметил движение, а повернув голову, обнаружил трибуна Геррата в полевой форме, разве что без бро-

незащиты. Сердце мое будто сжала ледяная ладонь – только вчера Везиг признался мне, что работает на контрразведку, и вот, ее офицер явился по мою душу.

Совпадение?

Я отдал честь, бойцы засуетились, пытаюсь сделать то же самое и не поронять в траву детали автоматов.

– Вольно, отставить, – сказал Геррат, оглаживая мерзкие усишки на желтоватом лице. – В данных обстоятельствах это совершенно не нужно... Десятник, на пару слов.

– Продолжайте, – велел я, и на нетвердых ногах двинулся следом за трибуном.

Мы отошли буквально метров на десять, и тут Геррат вытащил из кармана плоскую коробочку, нажал кнопку на одном из ее торцов, и уши мои заложило, захотелось поковырять в них пальцем.

– Чтобы не подслушали, – пояснил он, и выдержав паузу, во время которой сверлил меня прозрачными глазами, атаковал. – Десятник, не ценишь ты моего хорошего отношения.

Трибун наверняка хотел сбить меня с толку, и ему это удалось.

Хорошее отношение? Это говорит человек, который не просто бил меня, а пытал? Целенаправленно мучил, чтобы получить нужную информацию? Держал в карцере? Допрашивал?

– Э... хм... ну... – только и смог выдавить я.

– Другой на моем месте просто следил бы за тобой со всех сторон, – задушевности в голосе Геррата позавидовал бы хороший актер, – а то и устраивал тебе ловушки, подставы. Ведь так? Я же конкретно вожусь с тобой точно курица с яйцом, – название существа на общем имперском я не знал, но решил считать его для простоты обычной птицей, – вот, пришел сам, даже к себе не вызвал, и сообщаю, что ты по прежнему находишься под подозрением.

И он устался на меня, откровенно наслаждаясь эффектом.

Под подозрением?

А к чему тогда было судилище, во время которого мне лазили в голову?

– Этсчего? – я заволновался, заговорил торопливо, как обычно. – Этос ккого фига? Мыслещуп же был! Память вывернули наизнанку и перетряхнули, как менты карманы во время обыска! Э?

Геррат покачал головой, потер лоб, на котором выделялись мелкие шавванские чешуйки.

– Помнишь, что я тебе говорил о допросе мятежников, взятых после бунта двенадцать лет назад?

Я напрягся.

– Нуу... да... Дело такое... они ничего не помнили!

– Именно. Некто подчистил им память, изменил ее так, что мы ничего не обнаружили. То же самое проделали и с тобой.

Что за бред! Никто ничего подобного со мной не делал! Я все помню! Или нет?

Сомнение холодной змеей вползло в грудь, обвило сердце, я напрягся, пытаюсь вышвырнуть его оттуда, но ничего не вышло – а что если и правда кто-то надругался над моим прошлым, стер оттуда нечто важное... но кто, что, когда? Слишком много вопросов!

– Не может быть! – огрызнулся я. – Кому это надо?

– Вот и я хотел бы знать, – очень мягко сказал Геррат. – У меня есть только догадки. Конкретно кто тебя использует, я сказать не могу.

– Да никто меня не использует! Сто раз говорил!

Трибун посмотрел на меня укоризненно, и я сник – блин, в тех интригах, что тут творятся, я на самом деле не больше чем пешка, мелкая карта, которую разыгрывают втемную, вот только зачем, кому могла понадобиться такая мелочь?

– Так этот тот же индивидуум, что стоит за бунтом? – заинтересовался я.

– Вполне вероятно, – Геррат кивнул. – Это определенно некто, владеющий древним, почти забытым знанием, которое дает возможности делать странные, страшные, темные вещи... именно поэтому некогда Гегемония сделала все, чтобы это знание уничтожить. Наставники его ушли в подполье, но некоторые выжили... и их выкормыши среди нас.

Я вспомнил общество Трех Сил, вроде бы давно уничтоженное, но на самом деле живое и пытающееся добраться до

меня.

– Переходи на мою сторону, – теперь трибун говорил спокойно, размеренно, точно вбивал гвозди. – Только тогда я смогу тебя защитить. Только тогда они до тебя не доберутся. Переходи.

Я скривился и выпалил:

– Я на своей стороне! Я ничего не скрываю! Ничего не знаю! Оставьте меня в покое! Все!

– Ну ладно, я предложил, – Геррат выключил глушилку. – Ты еще пожалеешь об отказе.

И развернувшись, он зашагал прочь, а я заковылял туда, где ждали меня новички и их автоматы – и откровенно говоря, в этот момент меня буквально колотило от тревоги и страха.

* * *

Котик объявился, как всегда, неожиданно.

Мы только расположились на отдых после не самого короткого марш-броска по лесу. Едва я сбросил рюкзак, как рядом недовольно хрюкнули, и мохнатый хвост недвусмысленно пощекотал меня по лодыжке.

– Опять он? – Макс заулыбался, нагнулся, чтобы погладить зверя, и тот стерпел ласку. – Клево же, да! Всюду за тобой таскается.

– Просто жратву чует. Стейк в сухпае. Ведь так, мохнатая

задница?

На такое обращение Котик отреагировал недовольным шевелением ушей, а потом уселся и принялся тарашиться на меня в стиле «дайте бедной киске пожрать, а то она вот-вот скончается прямо на месте». При этом наверняка слопал кого-то, пока разгуливал по джунглям, набил брюхо свежим мясом.

Ну и как можно устоять перед таким взглядом?

Я вскрыл сухой паек, аккуратно извлек сублимированный стейк в отдельной упаковке. Дернул хлястик, раздалось шипение, и носа моего коснулся божественный аромат свежего, отлично прожаренного мяса... свинины, ну или чего-то, очень похожего на свинину.

Смотреть на кормление хищника собрались чуть ли не все бойцы, даже на суровой физиономии Дю-Жхе появилась улыбка.

– Да эта штука больше его размером, братва! Он же лопнет! Как воздушный шарик! – волновался Ррагат, тасуя колоду карт для биралы.

Любой привал, и они садятся кружком, и шулер-профи раздевает всех до трусов.

– Не лопнет, – отозвался Макс с такой гордостью, будто сам отвечал за желудок Котика. – Не такое съедал.

Стейк нагрелся за несколько секунд, и я уложил его на землю.

Котик понюхал, муркнул и принялся утягивать кусок в се-

бя, точно взбесившаяся мясорубка. Девочки-веша захихикали, хлопнули в ладоши, заухмылялся даже Билл Мак-Грегор, не любивший ни меня, ни всего, что было со мной связано, в том числе и моего шерстистого друга.

– Чем вы тут заняты? Аааа?

Отлично, вот и Равуда.

– Отдыхаем, гражданин центурион, – ответил я.

– Опять эта тварь, – прошипел кайтерит, явившийся как всегда не в одиночку, а в компании прихлебателей: он уже пытался убить Котика, и мало того, что облажался, еще и получил от меня по морде.

– Какая тварь? – Макс сдвинулся так, чтобы закрыть чавкающего зверька.

– Вам показалось, – рядом с ним встала Юнесса, и тут же к ним придвинулись другие, все с автоматами, оружие наготове, пальцы на спуске.

Глаза Равуды выпучились, он побагровел больше обычного – эх, вот бы лопнул.

– Мы просто производим прием пищи, – добавил я, и захрустел извлеченной из сухая плиткой: прессованные орехи, ягоды, семечки, от одного прикосновения к языку слюна течет водопадами, и сытно ужасно.

– А ну с дороги! – гаркнул кайтерит.

Юнесса оглянулась через плечо и отодвинулась: ни Котика, ни стейка.

Я дожевал плитку, нарочито хрустя, запил глотком ви-

таминизированной жидкости из бутылочки, и принялся за мягкий сыр вроде нашего плавленого, только не желтый, а светло-зеленый: с галетами – просто объединение. Да, нам регулярно выдавали негодное снаряжение, порой снабжали идиотскими приказами, но всех интендантов, воровавших еду для солдат, в Гегемонии давно расстреляли.

Я думал, что тут, практически на глазах у трибуна, Равуда не рискнет задираться.

– Ах ты... – начал он, раздув ноздри, и потащил с плеча собственное оружие.

– Отставить! – прозвучал незнакомый голос, и не голос даже, а рев. – Что творите? Грибов объелись?!

Офицер, неожиданно явившийся из лесного сумрака, был невысок, но очень плечист, ручищи напоминали стволы, из-под шлема мрачно сверкали светлые глаза. Чешуйки на коже говорили, что перед нами шавван, но кожа у него была не белесой, как у большинства представителей этой расы, а розовой, даже темно-розовой, то есть он был для своих кем-то вроде негра.

А еще он мог похвастаться очень качественным снаряжением – бронезащита куда лучше, чем у нас, с активной защитой и системой маскировки, автомат самой навороченной модификации, АКБП-499-Д со всеми наворотами. На груди, там, где у нас красовался кулак в окружении языков пламени – символ «Гнева Гегемонии», у него был незнакомый мне символ – перекрещенные свиток и меч, и над ними одинокая

звезда.

Это что за войска такие?

Я вскочил, бойцы мои вытянулись в струнку, даже Раву-да изобразил стойку смиренно – пусть чужак, но все же целый легат.

– Вольно, – рыкнул офицер, и я улучил момент глянуть на его браслет.

Зитирр, командир специального манипула Внешних секторов... это еще кто такие, интересно? За спиной у него стояли двое громил на голову меня выше – забрала опущены, позы показушно небрежные, но видно, что это настоящие машины для убийства, обученные и натасканные.

– Центурион, вали, – продолжал громыхать легат. – Мне нужен вот этот тип.

И указал на меня.

Не могу сказать, что обрадовался – мало мне внимания от контрразведки!

– Тебе привет, – Зитирр двинулся прямо ко мне, и я краем глаза отметил, как невольюно сделали шаг в сторону практически все, кроме пожалуй Дю-Жхе, который считал себя уже мертвым и ничего не боялся. – Принц Табгун велел тебе глаз в жопу засунуть... Ха-ха, шучу!

Меня от этой «шутки» продрало морозцем – принц Табгун, он же у нас командует силами Внешних секторов!

– Вот его послание, – и легат протянул мне кольцо из черного металла с сиреневым отливом – как раз на палец. – На-

девай, не жди! А то силой натянем! И не скажу, куда!

Он захохотал – точно перевернулся грузовик листового железа.

Я взял кольцо, ощутил холодное, просто-таки ледяное прикосновение, сунул в него указательный палец. Мир исчез, я обнаружил себя внутри испещренной звездами сферы, лицом к лицу с Табгуном – роскошный мундир, церемониальный клинок на поясе, блеск эполет и медалей.

На лошадиной физиономии принца красовалась презрительная улыбка.

– Если ты думаешь, что... – паузу он сделал, как обычно, в самом неподходящем месте, – я забыл о тебе, то это не так. Я знаю все о тебе и о твоей... – новая пауза и такая длинная, что я успел занервничать, – жене, и скоро я займусь вами, как только решу более важные проблемы.

«Да что ты знаешь? При чем тут моя жена?» – подумал я, но сказать это вслух не мог, мускулы меня не слушались, внутри этой странного трехмерного послания я мог только слушать и смотреть, но не двигаться или говорить.

– Властолюбивым власть, а любящим – любовь, – почти промурлыкал Табгун. – Однако идущим против меня... боль и смерть, и никак иначе.

И на этом меня выбросило в обычный мир, где я обнаружил, что к нам подошел ШаDIR, и они о чем-то разговаривают с Зитирром. Но я почти не обратил внимания на собственного трибуна – настолько выбило меня из колеи посла-

ние Табгуна, чтобы ему провалиться три раза!

Глава 3

Аппарель начала подниматься, едва мы оказались на борту линкора, клацнули запоры, и уже через мгновение меня слегка придавило к полу. «Гнев Гегемонии» всей огромной тушей пошел вверх, оставляя внизу поверхность Бриа с ее сырыми джунглями, болотами и подземными городами.

Я облегченно вздохнул – хоть какая-то передышка.

Эта кампания ничуть не напоминала первые две, тогда мы оседали на планете надолго. Теперь же линкор скакал туда-сюда, словно кузнечик, высаживая нас в разных местах и уже через несколько дней забирая.

Что мы делаем, зачем – мы не понимали, да и не должны были, не обязан солдат знать, ради чего он убивает и умирает.

Еще я подумал, что Зитирр наверняка остался внизу, на поверхности, и эта мысль меня порадовала. После «разговора» с Табгуном, который случился вчера, я пришел в себя достаточно быстро, решил, что если бы высокородный принц и правда хотел меня прикончить, он бы не стал тратить слов, и меня пристрелили бы сразу на месте... и это значит, что он меня просто пугает ради каких-то своих высокородных целей.

А я вот не буду пугаться, буду делать то, за чем явился на «Гнев Гегемонии»!

– В восемь часов построение, до этого времени все свободны, – пришел через шлем приказ Шадира, и мы побрели в сторону собственных казарм.

Равуда, став центурионом, получил собственную клетушку-каюту, я же перебрался к прочим десятникам. Компашка оказалась так себе, но зато народу меньше, пространства чуть больше, да и положено по уставу в конце концов, сколько можно тусоваться с простыми бойцами?

На нашем семнадцатом уровне, у лифтовой площадки, шагавший впереди Дю-Жхе внезапно остановился и уставился на свой браслет-классификатор.

– Ого, поздравляю, – сказал я, заметив вспыхнувший над хитрым прибором значок. – Десятник!

Ферини давно заслуживал повышение, заслуживал куда больше меня, но сопротивлялся всеми силами. Гегемония уничтожила его племя, и он завербовался для того, чтобы умереть с честью и попасть к предкам, а не для того, чтобы делать тут карьеру.

– Здорово, да! – поддержал меня Макс.

– Собирай свою ботву и перебирайся к нам, – я хлопнул Дю-Жхе по твердому, словно из камня плечу: отлично, будет хоть с кем поговорить кроме Фагельмы.

Он в ответ лишь кисло улыбнулся.

Едва я успел добраться до казармы, избавиться от снаряжения, как выяснилось, что свободное время только для рядовых, а для десятников, как обычно, есть очередное дело.

Через десять минут я очутился на складе, где громоздились цинки с патронами, коробки с гранатами, словно черепа лежали на стеллажах шлемы.

– Чтоб все подсчитали, – велел Шадир мне и Батгабу, жистому десятнику-кайтериту. – Что за цирк, всех техников в бой отправили, что ли? Почему мы этим занимаемся?

Он ушел, а мы принялись за нудное и не очень осмысленное дело – считать запасы. Батгаб убред в дальний угол склада, который размерами был как школьный спортивный зал, разве что потолок не такой высокий, я остался один в тусклом свете редких лампочек, меж стеллажей.

– Двенадцать, тринадцать, четырнадцать... – считал я, делая пометки на листочке. – Пятнадцать...

Зверски хотелось спать, глаза практически закрывались.

За спиной раздались легкие шаги, и я вспомнил тот момент, когда меня на этом же складе поймала Юнесса. Но повернувшись, я обнаружил неразлучную парочку веша – изящных и невысоких, с одинаковыми шаловливыми улыбками на полных губах, с мокрыми после душа зелеными волосами.

– Десятник, – сказала Нара, у которой были глаза цвета сирени.

– Э, да? – ответил я, стараясь не особенно пялиться на небольшие, но сочные выпуклости, которые так отчетливо рисовались у нее под майкой.

– Разрешите обратиться, – подхватила Зара, сверкая чер-

ными глазищами.

– Разрешаю, – сказал я, чувствуя себя довольно неуютно под откровенными взглядами этой парочки.

Ну да, у меня не было женщины с самой Земли, но в этот раз я был твердо намерен Юле не изменять. Мало ли что она там говорила насчет развода, это все ерунда, пока мы вместе, и хватит уже разврата.

– Нам от вас кое-что нужно, – Нара придвинулась ближе, взяла меня за предплечье.

– Эй, что началось? Стоп! – я попытался отодвинуться, но уперся спиной в стеллаж, да еще и шарахнулся затылком, не очень сильно, но болезненно.

– Почему же? – Зара погладила меня по плечу, наклонилась ближе, я уловил ее дыхание, сладкое-сладкое.

Да, я-то не хотел предавать Юлю, но вот у моего тела, у некоторых его частей имелось свое мнение на этот счет. Сердце мое билось куда чаще обычного, в ушах шумело, мысли путались не только от усталости, а тот орган, которым мужики слишком часто думают вместо мозга, пробуждался к жизни.

Нет, в этот раз я не поддамся!

Зара откровенно прижалась, лизнула меня в щеку, язык ее двинулся дальше, к уху. Вторая веша схватила мою руку и положила к себе на грудь, да и прижала к упругому холмику, я ощутил горошину соска.

– Стоп-стоп! – я нагнулся и буквально пронырнул между

ними, пытаясь высвободиться. – Хватит!

Но проход был слишком узким, забиться под стеллаж я не мог, как-то это недостойно. А кроме того девицы прекрасно видели и понимали, что я возбужден, что они вовсе мне не безразличны.

– Десятник устал, – мурлыкнула Нара.

– Мы снимем усталость, – пропела Зара.

И уже четыре руки вцепились в меня, принялись гладить и ощупывать, разминать мышцы. Я ощутил себя как во время допроса, когда Геррат наводил на меня сексуальные переживания невероятной силы, ожидая, что я размякну и выболтаю все, что он рвется узнать.

Но я выстоял тогда, выстою и сейчас!

– Стоп, – прошептал я, ощущая чужую ладонь уже у себя в паху. – Смирно!

Все же вымуштровал я их отлично – веша исполнили приказ, даже не задумываясь. Встали прямо, руки по швам, и я оказался на свободе, трясущийся от возбуждения, с бешеной дозой гормонов в крови, с желанием повалить эту парочку на пол и отодрать прямо тут, без вазелина и презервативов.

– Сми... смирно! – повторил я, вытирая пот со лба.

Подобным образом я себя чувствовал, когда меня динамили девчонки – доводили до края, а потом включали заднюю передачу. Только в этот раз динамо-машина находилась внутри меня, и я сам не позволял себе довести дело до конца... нет, нет, только не в этот раз!

– Но почему? – обиженно спросила Зара.

– Потому что хватит, – буркнул я.

– Что тут у вас? – в проход, где мы находились, заглянул Батгаб: глаза мутные, ниточка слюны на подбородке, снова наверняка обожрался расслабона. – О, мы веселимся, гы-гы.

Я представил, что именно он видит: пару разгоряченных девчонок и меня с оттопыренными эрекцией штанами, красного, тяжело дышащего. И мне захотелось не просто провалиться сквозь пол, а оказаться где-нибудь далеко-далеко, желательнее дома, на Земле, рядом с женой и дочерью.

* * *

Перемещаться по техническим колодцам, которыми линкор просто изрыт, меня научил сержант Диррг, земля ему пухом. И сейчас я двигался по ним как раз к каюте, где раньше обитал мой друг, и делал это в ночное время, когда мне полагалось лежать в кроватке и сопеть в две дырочки.

Если застукают – светит мне карцер.

Спать хотелось неимоверно, после отбоя я продремал часа четыре и затем аккуратно поднялся. Благо научился использовать браслет в качестве бесшумного будильника – сожмет тебе запястье, а никто и не заметит. Выскользнул в коридор, добрался до ближайшей панели с черным крестиком и... ищи ветра в поле.

Разве что случится боевая тревога – ну тогда мне кранты.

Очередная ступенька заскрежетала под моей ногой, я поспешно снял с нее ногу и замер. Но нет, обошлось, рядом с люком на двенадцатый уровень никого не оказалось, никто меня не услышал, и я пополз дальше.

Страх накатил, когда я оказался у нужного мне выхода, заледенели виски, дыхание перехватило.

– Что за ботва, давай, – прошептал я сам себе.

Всего-то пять метров пройти, и нырнуть в другой колодец, где прячется то, что я ищу. Только при этом надо не напороться ни какого из техников, чтобы не возникло вопросов – что этот десятник делает тут глухой ночью?

Я поднял руку, чтобы активировать открывающий механизм, и тут услышал рядом голоса. Замер, точно мышь при звуках кошачьего мяуканья, невольно стиснул карман, где прятался плюшевый пингвин, взятый мной на удачу.

– ...и потом они как полетят! – раздалось совсем рядом.

– Хахаха! – ответил второй голос, и забормотал нечто сюсюкающее.

Смех утих, шаги пропали вдаль, и я отклеился от лестницы, перевел дыхание. Негромко клацнули отошедшие створки, я выбрался в коридор, придав себе небрежный вид – если что, я тут типа на своем месте.

Теплый воздух коридора обжег мне лицо, сердце кольнуло, когда прошел мимо двери, за которой некогда жил Диррг – эх, отличный был мужик, и неплохо мы у него как-то посидели. Повторное клацание, и я в другом колодце, сунул руку

налево, в темный угол, куда не попадал свет... и помертвел.

Ничего! Как, где же сканер, тот прибор, без которого не найти Обруч?

Я повел рукой туда-сюда и с облегчением нащупал нечто длинное, гладкое, как черенок от лопаты. Подтянул к себе и убедился, что это то, что нужно – два параллельных «лезвия», все в мелких волосках, и небольшой экран над черенком, сейчас мертвый и пустой.

Есть, готово!

Подтянув сканер к себе, я снял с пояса ремень, который захватил специально. Аккуратно закрепил его на спине и покачался на лестнице вверх-вниз, чтобы убедиться – держится надежно, не болтается из стороны в сторону.

Теперь можно в обратный путь, чтобы спрятать прибор рядом уже с собственным жилищем.

– Мы справимся, – прошептал я, обращаясь все к тому же пингвину, тот не ответил, но будто шевельнулся у меня в кармане.

Я сунулся обратно в коридор, и обнаружил, что у поворота кто-то стоит: обтянутая серой формой техперсонала спина, над ней шевелюра, из которой торчат небольшие рожки. Проклятье, как этот тип только подобрался, что я вообще его не услышал!

Я поспешно отступил, закрыл за собой люк, и приготовился ждать.

До меня доносились какие-то постукивания, лязг, приглу-

шенные реплики – судя по всему, занга, которого я увидел, был там не один, и они что-то делали, даже работали, посреди ночи. Хотя их гоняют ничуть не меньше, чем нас, а командование на линкоре суровое, у них не забалуешь.

Мысли мои уплыли в сторону дома, и я решил позвонить жене... вдруг ответит.

Получилось не сразу, сначала я не мог сосредоточиться, мешали тревога, страх, неудобная поза – я висел на лестнице, спрятанной внутри узкого колодца, и полностью расслабиться не мог. Но потом меня окутал кокон тишины, и я пожегился, ожидая, что вызов будет сброшен.

– Чего тебе? – спросила Юля.

Меня словно по физиономии ударили – вот тебе и «здравствуйте».

– Э... ну... – я ощущал себя семилетним мальчишкой, которому вместо новогоднего подарка под елку положили дырявый носок; ладно, проглотим обиду, она все же взяла трубку. – Поговорить хотел.

– Ты возвращаешься?

– Пока нет. Но я... – я хотел похвастаться, сказать, что добыл кое-что очень нужное.

– Тогда нам не о чем разговаривать!

Это было словно второй удар, еще более сильный, и злость хлестнула меня как плеть о множестве кончиков: никогда я на Юлю не злился, просто не мог, да она и поводов не давала, а тут такое!

– А если я с Сашкой хочу поговорить? Чтоб я сдох! Что, я ей не отец уже?

Жена помолчала, а когда заговорила, то голос ее прозвучал чуть мягче:

– Эх ты, отец... Если бы был отцом, находился сейчас рядом с ней, а не в той клоаке.

Далеко не в первый раз меня посетило ощущение, что Юля догадывается, где именно я нахожусь, и чем занимаюсь.

– Я хочу быть с вами! – отрезал я. – И делаю для этого все, что могу!

Не сплю ночью, рискую собственной шкурой – ну об этом я говорить не стал.

– Я хочу поговорить с дочерью, – продолжил я. – Дай ей трубку.

– Нет, – это было сказано так, что я понял – она не уступит. – Возвращайся. Разговаривай сколько угодно.

– Да как ты... – начал я, но понял, что говорю с пустотой, Юля отключилась.

Я изо всех сил шарахнул кулаком по одной из ступенек, и боль в руке помогла немного прийти в себя. Не думая ни о чем, я развернулся и выбрался в коридор, где двинулся в сторону пары техников, ковырявших паутину проводов на месте одной из стенных панелей.

Я прошел мимо них, буквально протиснулся, но ни занга, ни его приятель-шавван даже голов не повернули. Через минуту я очутился в другом техническом колодце, и полез

вверх, задевая сканером о стены.

И в этот момент мне было глубоко наплевать – поймают меня или нет.

* * *

Ящик, который мы волокли на двоих с Максом, был невелик, но весил как целый вагон с песком. А вообще трюм линкора, где мы трудились, напоминал разворошенный муравейник – сотни бойцов сновали туда-сюда, разгружали контейнеры, что один за одним проползали через пламя больших порталов в рабочей зоне.

Орали центурионы, матерились десятники, пыхтели и потели все подряд.

– Давай сюда! – гаркнул Равуда прямо у меня над ухом. – Шевелись, мать вашу!

Мы чуть наддали, и я ощутил, как он напряжения хрустят колени, а сухожилия в плечах буквально растягиваются. Ящик с тяжелым стуком опустился на точно такой же, я облегченно вздохнул и затряс ободранными в кровь пальцами.

– Еще, давай! Последняя смена! – продолжал надрываться кайтерит.

– Как мне хочется его придушить, вапще, – мечтательно сказал Макс.

– Толку-то, – буркнул я. – Поставят другого, ничуть не лучше. А тебя расстреляют. После этого точно домой не вер-

нешься.

Макс улыбнулся, но без веселья – он хотел обратно в Москву, где ждали его родители, но не мог там появиться по каким-то причинам, о которых мне до сих пор не рассказал, хотя пару раз порывался. Мы приволокли еще один ящик, такой же тяжелый, с непонятной маркировкой на боку, и выяснилось, что работа «отсюда и до ужина» в самом деле закончена.

– Свободны, – сообщил Равуда. – Хотя ты, десятник Егорандреев, остаанься...

Я медленно повернулся к центуриону, замерли направившиеся уже к выходу Макс, Дю-Жхе, остальные.

– Свободны, я сказал! – рявкнул кайтерит. – В казарму!

Я махнул своим – не убьет же он меня тут, под камерами и под взглядами наблюдающих за работой офицеров.

– Хреноооо твои работали, десятник, – сказал Равуда, когда мы остались вдвоем. – Упор лежа принимать...

О да, через эти игры я проходил еще дома, в нашей армии... но делать нечего.

– Еще пять раз, – голос кайтерита доносился сверху. – Что ты трясешься и дрожишь? Чувствуешь себя червякоом? Мне ли не знать... Еще пять раз!

И я отжимался, насиловал стонущие мускулы, отрывал тяжелое тело от пола. Задыхался, дрожал как в лихорадке, но делал то, что Равуда говорил, поскольку он мой командир.

Я шлепнулся на холодный пол в очередной раз, ничего не

соображая, мокрый от пота.

– И то ли еще буудет... – сказал кайтерит. – Я сделаю так, что ты сам повесишься... Свободен.

Но даже после этого он не удержался, и пнул меня по ребрам – не очень сильно, но больно.

Как добрался до казармы, я не помнил, пришел в себя уже под холодным душем. Выбравшись же оттуда, решил пропустить ужин и заняться тем, ради чего и терпел все эти издевательства – поисками Сияющего Обруча, драгоценного артефакта из тронных сокровищ Гегемонии, способного лечить любые болезни, даже ту мерзкую хворь, от которой страдает моя дочь.

Обруч похитили во время мятежа на Столице двенадцать лет назад, а потом кто-то из бунтовщиков укрыл его на «Гневе Гегемонии».

На обратном пути позавчера меня не поймали, и сканер я спрятал в одном из технических колодцев на нашем уровне. Но потом у меня не нашлось ни единого шанса к нему прикоснуться, с самого подъема нас загрузили так, что я пробежал весь день с задницей в мыле, а ночью решил отоспаться.

И вот сейчас, пока все в столовой, есть шанс проверить хотя бы ближайшие окрестности. Есть мне совершенно не хотелось, хотя от усталости ныли все до единого мускулы вплоть до самых мелких.

– Давай, иди к папочке, – сказал я, вытащив замотанный в брезент прибор из тайника.

Часть линкора мы осмотрели еще с Дирргомом, но почти не затронули ту же рабочую зону, а там места хватит, чтобы спрятать небольшой самолет, не то что Обруч. Обыскать ее за один раз не получится, но надо хотя бы начать, а для этого протестировать сканер, и желательно там, где не будет лишних глаз.

Делая вид, что выполняю очень важный приказ, я деловито прошествовал к лифтовой шахте, и там свернул к святилищу: там народ если и бывает, то позже, перед самым отбоем. Меня встретил знакомый полумрак, синеватые огоньки лампад, душный запах горящего масла и мрачные взгляды каменных Гегемонов.

Зашуршал брезент, я тронул кнопку активации.

Экран над черенком «лопаты» осветился, по синему полю побежали белые полосы, ровно две штуки. Я повел сканером по кругу, целясь в стены, и вдруг на синем фоне мелькнула красная искра.

Что, не может быть?

Я решил, что мне показалось, но нет, красная точка пульсировала, когда я наводил прибор на одну из стен. От волнения меня затрясло – неужели так просто, и я с первой попытки нашел то, что искал? А мы с Дирргомом не догадались, что смотреть надо под носом.

Что за этой стеной? Как туда попасть?

Я напрягся, вызывая из памяти план линкора – я же просматривал его не раз, изучал, раздумывая, где может быть

тайник, я знал «Гнев Гегемонии» лучше, чем тот торговый центр, где некогда работал сменным инженером. И тут алая точка на экране поползла в сторону, неспешно, словно гуляющий по травке жук.

Это что? Это как?

Я повел сканер следом, а потом и сам двинулся за ней – из придела Возвышенной Бабушки, где начал все дело, в придел Покорителя Небес, Третьего Гегемона, самого крутого из всех кайтеритских правителей. И дальше – к выходу из храма, и вниз по лестнице, дрожа и спотыкаясь от волнения: да, я вроде бы нашел Обруч, но с какого фига он перемещается?

Или сканер глючит, показывает невесть что?

Я очутился уровнем ниже, в коридоре, ведущем прямоком в рабочую зону, и тут мне пришлось опустить прибор к полу – обозначенный красным огоньком предмет теперь находился подо мной! Мысль о том, что он перемещается прямо через стены, я отверг, но иного объяснения в голову не пришло.

Вон тот поворот, еще полсотни метров, и начнутся порталные залы, и там всегда есть операторы.

– Эй, ты чего тут бродишь? – донесшийся из-за спины голос Равуды заставил меня дернуться.

Черт, этой гниды еще не хватало! Если он увидит у меня сканер, наверняка отберет... Дело швах. А тут еще алый огонек развернулся и практически метнулся обратно, в сторону святилища.

Я сделал вид, что не расслышал, а оказавшись за поворотом, бросился к ближайшему техническому колодцу – нет, лучше не к следующему, а через один, лишние двадцать метров. Открыть створки, замотать прибор в брезент и сунуть в угол, втиснуть между торчащими из стены скобами, чтобы не вывалился, а потом все закрыть и сделать вид, что так и было – на это мне понадобилось несколько секунд.

Я повернулся, готовясь встретить Равуду лицом к лицу.

Теперь я точно знал, что Обруч на «Гневе Гегемонии» и был готов отжаться еще тысячу раз. Вот только одного я не понимал – отчего эта штука двигалась и как такое вообще возможно?

Глава 4

Тяжелый «Тайфун» мотало в воздушных потоках словно перышко, и я боялся представить, что творится за бортом. К счастью в десантном отсеке не было иллюминаторов, и нам оставалось только держаться за лавки, надеяться на крепость ремней и на мастерство пилотов.

Первый раз за все время на Бриа нашу центурию вводили в бой таким образом, и я, честно говоря, немного очковал – десантники из нас никакие, мы обычная пехота, царица полей, да и то в лучшем случае.

– Минутная готовность! – объявил Равуда, и я напрягся еще сильнее, хотя до этого момента думал, что напряжен до предела.

«Тайфун» завис на месте и пошел вниз, так что мой желудок остался двадцатью метрами выше. Сидевший рядом Макс икнул, одного из бойцов Фагельмы вырвало прямо на пол, за что он тут же получил по шлему.

Рев двигателей стал оглушающим, пол отсека ударил в ноги, и аппарель треском и грохотом пошла вниз.

– Вперед! За мной! – прорычал Равуда, отстегивая ремни. Вот не трус он, совсем не трус...

Ремни с лязгом отлетели в сторону, я отработанным движением швырнул за спину полупустой рюкзак. Загромыхали по металлу тяжелые ботинки, пасть аппарели распахнулась,

открывая закутанный в косые струи дождя лес, и бурые холмики среди буйной зелени.

Поселок бриан, которым мы буквально свалились на головы.

По нам открыли огонь, и пули летели навстречу, лязгали по обшивке самолета, искали живой крови. Бежавший передо мной боец покачнулся и медленно упал вперед, разбрызгивая вокруг кровь, покатился вниз по аппарели.

Замер, и я перескочил через уже мертвое тело.

Под ногами хлопнуло, сырая трава хлестнула по штанинам, оставив длинные пятна. Дождь обрушился сверху, замолотил по шлему, словно тысяча игривых ладошек, и я метнулся в сторону, давая дорогу остальным.

План боя до нас довели заранее, и мы все знали, что делать.

Молодой бриан в традиционной безрукавке вырос передо мной словно из-под земли. Мотнулись черно-красные волосы, блеснули золотые глаза на бледном лице, и я ударил прикладом прямо по этому лицу, сминая лишние зубы челюстей.

Он упал назад, а я уже бежал дальше, на ходу меняя магазин.

Торчавший на отшибе бурый купол, который мне назначили в качестве цели, никто не охранял. Стрельба продолжалась, но вялая и разрозненная, то вспыхивала, то затихала, но все звуки глушил рев бури – ветер гнул деревья, грязь на

открытых участках буквально кипела от дождевых капель.

– Залегли! – гаркнул я, установив взрыватель.

Сам шлепнулся в лужу, на забрале осели капли, и тут же громынуло, подбросило. Взвился фонтан дыма, мгновенно разорванный в клочья ураганом, и я снова оказался на ногах, побежал к открывшейся дыре.

Раньше мы боялись ходить в подземелья, но после месяца в пещере-концлагере я забыл об этом страхе.

– Фильтры! – напомнил я, бросаясь вниз.

Окунулся во мрак, но тот мигом выцвел, явился из темноты уходящий вниз проход, дверной проем, и за ним комната. Оттуда грянула очередь, несколько пуль впились в пологий пол под моими ногами, боль стегнула по лодыжке, точно со всей дури ударили металлическим прутком.

Перед глазами потемнело, я привалился к стене.

– Ранен? Как? – сильная рука спросила за плечо, голос я узнал с трудом – Юнесса.

– Нормально... Вперед...

Они справятся и без меня, опытных бойцов достаточно, чтобы не растерялись.

Ноги подломились, и я сел на пол, глянул на ногу, боясь, что увижу дырку в бронезащите и собственную кровь. Но обнаружил только искореженный понож – ямка и расходящиеся от нее лучи-трещинки: под ним наверняка огромный синяк прямо на кости, но это ничего, сама кость вроде не сломана.

Внизу загрохотали выстрелы, но тут же стихли, далекий и мощный разрыв донесся сверху.

– Волосатик, что у вас? – спросил Равуда в наушниках.

– Внизу. Прорываемся к цели, – ответил я, поднимаясь.

Болела нога зверски, при каждом шаге меня словно било током, но передвигаться я мог, а это значит – должен идти дальше, в глубину подземелья, где сейчас сражаются мои бойцы.

– Докладывай, – злобно буркнул центурион, и отключился.

В первой же комнате я обнаружил несколько трупов – пару брианских и один наш. Только двинулся в соседнюю, как навстречу мне из дверного проема шагнул Макс:

– Все готово, – сказал он. – Всех положили. Ух, мы им показали! И еще – там такое!

Даже через фильтр ночного зрения было видно, как возбужденно блестят его глаза.

– А что?

– Да сам увидишь.

Купол, через который мы ворвались под землю, вел в прямой и не очень длинный коридор. Заканчивался тот через полсотни метров, а многочисленные двери в стенах вели в округлые камеры, набитые всякой всячиной. Тут было и оружие, и свертки тканей, и огромные корзины, набитые консервами, и детали разных механизмов, и стеклянные сосуды в рост человека, где в мягко светящейся жидкости плавали

то ли живые глаза, то ли ягоды.

Склады!

– Вот ведь ничего себе... – сказал я, заглянув в очередной из них, и принялся докладывать Равуде.

Браслет на моем запястьебрякнул, и я без удивления обнаружил над ним цифру тринадцать. Отлично, можно будет обновить снаряжение и взять наконец подствольный гранатомет... и загнать показатель «знания оружия» поверх десяти тысяч, давно хотел посмотреть, что тогда будет.

– Десятник, тут такое дело. Дело, – сказала подошедшая ко мне Юнесса, когда я закончил доклад. – Я теперь тоже десятник... ну, там убило Индаса, и меня на его место... Ага... Вертела я их на пальце, но...

Все было естественно – опыта у нее немногим меньше моего, пора на повышение.

– Отлично, рад за тебя, – и я ничуть не покривил душой: да, мы порой цапались, но все же я относился к ней очень хорошо, во всех отношениях.

Тут же рядом объявился Макс с какой-то бутылкой в руке, за его спиной маячил Прагат, еще кто-то.

– Тут один ящик случайно поломался, вапще, – сообщил мой земляк. – А там вот это. Попробуй, короче...

Брианскую еду я пробовал неоднократно, а вот алкоголь – никогда.

– За тебя, подруга, – я кивнул Юнессе и взял бутылку.

Пахло из горлышка апельсином и миндалем, а когда я от-

хлебнул, то сначала ощутил вкус грецкого ореха. Огненная жидкость прокатилась по горлу, и за орехом последовала шоколадная сладость, пряность имбиря, потом все это сменилось вяжущим послевкусием хурмы, но и то продержалось всего несколько мгновений, его сменили затухающие, мерцающие нотки того же апельсина.

И это я на самом деле не описал десятки оттенков, которые ощутил между основными стадиями, на них мне просто не хватило слов.

– Ух... – только и смог выговорить я; от такого напитка даже нога стала болеть меньше. – Только ящик, больше не выжирайте. Ясно?

– Так точно, – ответил Макс с видом оскорбленной невинности, а Юнесса хмыкнула.

* * *

Наверху продолжал лить дождь, но нас, к счастью, оставили в подземелье, охранять склад. Я нашел тихий уголок в одном из помещений, осмотрел ногу – только ушиб – и занялся накопленными баллами опыта.

Поднял те навыки, которые считал важными: выносливость, память, лидерство и умение ориентироваться на местности. Ну и грохнул на «знание оружия» столько, чтобы преодолеть отметку в десять тысяч, на что браслет отозвался яростным миганием, возвещавшим загрузку нового мануала.

Я открыл его, и у меня перехватило дыхание – «Гнев Гегемонии», планы, разрезы, описания! Понятно, что не весь, принципы работы двигателя мне никто не расскажет, но бортовая артиллерия, порталы – обо всем этом я теперь смогу прочитать, узнаю, как все функционирует!

Даже жаль, что это все мне не пригодится, поскольку я скоро найду Обруч и свалю отсюда со скоростью кометы.

– Егор? – позвали от входа в склад, и я вынырнул из собственных мыслей.

– Тут? Что?

– Я зашла сказать «спасибо» и «пока», – это была Юнесса, и я видел в сумраке ее очень женственную фигуру. – Ты больше мне не командир, ага. Теперь я тоже десятник. Десятник.

Она подошла и встала рядом, и я торопливо поднялся.

– Ну, это... – слов я найти не мог, все же я был неравнодушен к этой женщине, мягко говоря, она все так же необоримо влекла меня, я почти физически ощущал это притяжение, к ней тянулись даже волоски на тыльных сторонах ладоней. – Дело такое... Ты... это... ну...

Юнесса потянулась ко мне, и поцеловала в губы.

Внутри меня словно взорвалась начиненная пылающим напалмом бомба, раскаленная жидкость хлынула в чресла, обожгла лицо, фонтаном ударила из макушки. Я содрогнулся, пытаюсь справиться с собой, но мускулы задвигались сами, и я вцепился девушке в ягодицы, притянул к себе.

– О, нет, – простонала она, упираясь ладонями мне в грудь, но очевидно напоказ, без особого упорства.

Да, я вспомнил о Юле, о том, что собирался хранить ей верность, но в голову нагло втиснулся последний разговор, когда жена запретила мне говорить с собственной дочерью! Угрожала, что подаст на развод! Обида от той беседы никуда не делась, злость не ослабла!

Вот она, возможность отомстить!

– Чтоб я сдох! – прошипел я, и принялся сдирать с Юнессы бронезащиту.

Заниматься сексом в нашем полном снаряжении кое-как можно, но это будет очень неуклюжий секс.

Я выковырял ее из всех слоев, точно жемчужину из раковины, прижался лицом к сладко пахнущему телу. Девушка застонала, ее пальцы огладили мой затылок, вцепились в волосы – я ощущал, что она дрожит, и вовсе не от гнева или страха, слышал, как бьется ее сердце.

Полная грудь отозвалась на мое прикосновение, налилась кровью, сосок отвердел. Только я успел подумать, что ей должно быть холодно, как сильные пальцы Юнессы вцепились в мои собственные застёжки.

И да, в первый момент меня охватила прохлада, но тут же отступила перед жаром бешеного желания. Мы свалились на грудь сброшенного снаряжения, и вцепились друг в друга, точно две изголодавшихся по касаниям обезьяны – да мы и были такими, и правда изголодались друг по другу.

Острые когти впились мне в спину, наверняка оставили после себя кровоточащие борозды. Юнесса застонала, выгнулась дугой, мне навстречу, и я ощутил ее тело от бедер до шеи, словно мы слились в единое целое, стали одним существом, раскаленным, блаженным, счастливым.

Все то ли кончилось за считанные секунды, то ли затянулось на несколько часов. Внутреннее чувство времени у меня отказало сразу же, и к счастью, нас никто не побеспокоил, не вошел на склад, не попытался связаться.

Я пришел в себя, понял, что весь сырой от пота, и что я снизу, хотя не помнил, как мы переворачивались.

– Вот это было «спасибо»... – прошептала Юнесса в сумраке и поцеловала меня в нос. – И «пока»?

– Посмотрим, – ответил я.

Если Юля и вправду решит расстаться со мной, что тогда, какой смысл удерживать себя? Но от одной такой мысли мне стало тоскливо, радость отхлынула, ее место заняла грызущая ребра тревога.

– Я пойду, ага. Меня ждут, – Юнесса поднялась и принялась натягивать на себя одежду.

Я последовал ее примеру, и уже в полном снаряжении мы обнялись еще раз и ее шаги стихли в коридоре. Но тут же зазвучали вновь, и я нахмурился – неужели она что-то забыла? Однако в помещение проник совсем не девичий силуэт, а некто пухлый, высокий и взлохмаченный.

– Опять ты связался с этой бабой, – буркнул Макс недо-

вольно.

– Ну да, – я несколько опешил. – А тебе что за дело, чтоб я сдох?

– Ты же мой друг! – в словах его прозвучал неожиданный пыл. – И мой командир! Вапще! А когда ты на нее смотришь, то весь разум теряешь, только что слюни изо рта не текут! Как сказал дедушка Ленин – «как на бабу ты запал, сгинул твой революционный запал»! А он дело в женщинах понимал, ты хоть фото Инессы Арманд видел или Крупской в молодости? Секс-бомба, куда там Скарлетт Йохансон!

– Хватит нести херню! – рывкнул я, даже не пытаюсь скрыть злость. – Сам ее хочешь? Завидуешь?!

Макс уставился на меня, моргая широко раскрытыми глазами, и я подумал, что перегнул.

– Я ее хоть просто несу, – буркнул он. – А ты творишь! Мозги на яйца променял, да?!

– А у тебя мозгов никогда и не было! – прорычал я. – Если бы не я, ты бы давно сдох!

От обиды лицо Макса перекосилось, он несколько раз глубоко вздохнул, точно пытаюсь вытолкнуть из себя нужные слова.

– Рядовой Петровский, разговор окончен! – отрезал я. – Вольно! Кругом! Марш!

И пока он выполнял все озвученные команды, я добавил:

– Не лезь в чужую кровать, придурок!

И через мгновение остался в одиночестве.

С караула в складах нас вскоре сняли, но вот на то, что мы загрузимся в «Тайфун» и вернемся на линкор, понадеялся я зря. Буря оказалась такой силы, что нам пришлось заночевать в том же поселке, и мне с бойцами досталось несколько жилых комнат на втором свержу уровне. Наученные опытом мы притащили с собой переносные светильники, и развесили их повсюду, чтобы не сидеть в темноте.

Тут имелись традиционные брианские кровати, словно выросшие из пола, переплетение живых веток, а вовсе не обтянутые тканью рамы, на которых мы спали в концлагере. Но ложиться на них было противно – словно в чужую постель, поэтому мы использовали спальники.

Макс после сегодняшнего разговора старался держаться от меня подальше, ну и я к нему не подходил.

– А зачем мы, в натуре, захватили этот поселок? – спросил Прагат, когда мы уселись в кружок и принялись за ужин.

– У Шадира спроси, – посоветовал я. – Или сразу у легата-наварха. Чего мелочиться?

Кто-то из девчонок хмыкнул, многие заулыбались, представили, должно быть, как реагирует на такой вопрос командир «Гнева Гегемонии». Не изменилась мрачная физиономия Билла, ковырявшего ложкой в консервной банке – он наверняка переживал, что Юнесса больше не рядом. Ну и

не повеселел угрюмый, как болото, Макс, он расположился в углу, как можно дальше от меня.

– Ну как мы им врезали? Мужик я или кто? Двоих завалила! – завела обычную хвастливую шарманку Марта, и я про себя застонал.

Спасла меня заглянувшая в нашу комнату Фагельма.

– Что тут у вас? – спросила она. – Уродское местечко, да?

– Да ничего, – я встал, – хуже видели.

– Ты без двух лучших бойцов остался, – продолжила юри-юри, испытующе глядя на меня черными, глубокими глазами.

– Ничего, справлюсь, – ответил я. – Есть... Макс, другие.

Мы поговорили еще какое-то время, а потом от Равуды пришел приказ «отбой». Пришлось мне разогнать собравшуюся вокруг Ррагата группу картежников, и один за другим гасить светильники.

Наша очередь заступать в караул утром, так что надо спать, пока есть возможность.

Я постелил свой спальник у самого выхода, чтобы выско-чить первым, если чего. Только вот я не забыл о том, что наш центурион совсем не против меня прикончить, и уже после отбоя аккуратно навесил на дверной проем проволоку с колокольчиком, над самым полом, чтобы ее не так легко было увидеть – лучше лишний раз проснуться, если кто-то пойдет по нужде, чем не проснуться вообще.

Но когда мерзкое бряканье раздалось прямо над ухом, я не

сразу понял, что происходит. На автомате качнулся в сторону, и тут же что-то просвистело рядом с ухом, раздался глухой удар, который производит воткнувшееся в землю лезвие.

– Э... – начал я, но горячая ладонь закрыла мне рот, я различил над собой темную фигуру, вскинутую для нового удара руку.

Равуда? Явился по мою душу?

Я перекатился в сторону, и услышал треск спальника, распоротого чем-то очень острым. Высвободил собственную конечность и ухитрился перехватить третий удар, сжал чье-то запястье.

Нет... слишком тонкое для огромного и мускулистого кайтерита!

Мы боролись во тьме, пытая и дергаясь из стороны в сторону, я все никак не мог выпутать из спальника вторую руку. Дергал головой, пытаясь сбросить чужую ладонь, локоть противника упирался мне в грудь, и он все давил, давил и давил, пытаясь воткнуть в меня свою оружие.

Слишком легкий для Равуды, тот много тяжелее... но тогда кто это, кому я понадобился?

Мелькнула мысль, что это может быть Билл, узнавший о том, чем мы сегодня занимались с Юнессой и сошедший с ума от ревности... Но откуда? Не Макс же сболтнул? Вторая идея оказалась еще более безумной – что сам Макс решил прирезать меня после сегодняшней ссоры...

Ну нет, невозможно!

Я ударил коленом, целясь противнику в пах, но ничего не добился, то ли не попал, то ли спальник смягчил удар. Ухитрился, задыхаясь, наконец выкрутить ему запястье, и нечто острое и холодное упало сверху, оцарапало щеку и ухо, от мочки по шее побежала горячая струйка.

Но тут уже мне досталось коленом пониже пояса, и я замер от боли, хватая воздух зажатым ртом.

– Эй... что там у вас? – спросили из темноты недовольным голосом. – Чего за...

Чужая ладонь наконец соскользнула с моего лица, но я получил по морде небольшим, но твердым кулаком. Затылок мой болезненно ударился о пол, перед глазами расцвело настоящее звездное скопление.

– Да трахаются, – отозвался другой голос. – Хотя... десятник?

– Свет! – рыкнул я, пытаюсь схватить, удержать того, кто напал на меня.

Но руки мои двигались вяло, я лишь мазнул пальцами по чужим бокам, и враг мой оказался уже на ногах. Метнулся к выходу и пропал в коридоре, растворился там бесшумно, словно вовсе не издавал звуков, принадлежал к призракам.

Неужели это был бриан? Но почему он начал с меня? Поскольку я был крайним?

– Свет, мать вашу! – выдавил я.

Кто-то вскочил на ноги, включил один из светильников, тот показался ошеломительно ярким. Пришлось не просто

закрывать глаза, а еще и заслонить их ладонью, и выждать несколько минут.

– Э, у тебя ведь кровь! Жесть какая! – я узнал мелодичный голос Хэль. – Ужас! Помилуй нас Гегемон!

Я открыл глаза – светильник полыхал под потолком, словно маленькое солнышко, под ним стоял Ррагат с автоматом в руках. Со всех сторон на меня смотрели помятые и недовольные, заспанные лица, в глазах читались страх и недоверие.

– Аборигены? – спросила Марта.

– Они бы нас порешили уже, дело такое, – я сел, ощущал затылок, погладил оцарапанную щеку: царапина, ничего страшного, а что крови из уха много натекло, так это там всегда так.

И тут взгляд мой упал на небольшой клинок, что валялся на полу рядом со мной: короткое, острое как бритва лезвие... и рукоять в виде птичьей лапы с тремя когтями. Накатила дурнота, показалось, что я падаю в очень глубокий и очень темный колодец, ледяной воздух свистит в ушах.

Орден Трех Сил! Хотели меня убить... или скорее запугать, напомнить о себе!

Но это значит, что в нашей центурии есть кто-то, кто на них работает, некто с татуировкой в виде такой же птичьей лапы... Один из тех, с кем я сталкиваюсь каждый день, кто мне улыбается, разговаривает со мной... и кто убьет меня без колебаний, если старшие, таинственные космические ма-

соны, которых не смогли вывести даже Гегемоны, отдадут такой приказ!

Вот радость.

– Так, всем спать, – сказал я. – А я подежурю... Все равно до караула немного осталось.

Глава 5

В эту сторону нас доставили на самолете, с комфортом, а обратно пришлось топтать ножками – обычное дело. Вот только дорога после двухдневного ливня обернулась канавой с жидкой грязью, а чаща на обочинах «гостеприимно» встречала шипастыми ветками и чавканьем болота под ногами.

В грязи хотя бы нельзя утонуть, и в ней не водятся черные черви, способные обглодать человека за пять минут.

Поэтому мы час за часом монотонно чавкали нижними конечностями, полупустые рюкзаки казались свинцовыми. Небо закрывала плотная пелена из туч, и время от времени начинало моросить, и тогда я невольно втягивал голову в плечи, вспоминал закончившееся только утром буйство стихии.

Естественно, я так и не догадался, кто напал на меня во мраке, но с подозрением смотрел чуть ли не на каждого, исключая Равуду – этого гада орден Трех Сил не мог купить ничем. Вздрагивал при каждом шорохе, боялся даже задремать, и ни секунды не чувствовал себя в безопасности.

Если этого хотел ночной гость, то он своего добился.

Топавший где-то за спиной Макс одну за другой исполнял песни Пугачевой, начиная от «Арлекино» и заканчивая ее дуэтом с Галкиным, и я с тоской думал – что вот так, два мужика, взяли и поссорились на пустом месте. И как возвра-

щать дружбу – вообще неясно. Дю-Жхе командовал своими людьми, Юнесса осваивалась в роли десятника, и давно я не был в таком одиночестве.

От тоски в какой-то момент я решил позвонить жене – вдруг она оттаяла, выйдет поговорить. Заставил себя позабыть о том, что в ботинках хлюпает, что голени и спина ноют от усталости, не слышать шелеста мокрых листьев на ветру и мрачных реплик соратников.

У меня все получилось... кроме одного.

Юля не захотела со мной разговаривать – раз, второй, третий меня ударило с такой силой, что я пошатнулся и едва устоял на ногах.

– Эй, что за беспредел? – меня схватили за плечо, и я обнаружил рядом Ррагата.

Круглое лицо его, все в чешуйках и родинках, выглядело обеспокоенным.

– Нормально, дело такое, – я попытался изобразить улыбку, хотя судя по виду собеседника, у меня получился скорее оскал.

Грунтовка закончилась примерно через километр, уперлась в брианскую дорогу из серых плит, и мы воспрянули духом. Но тут же пришлось отступить к обочине, чтобы пропустить ревущие транспортеры, набитые бойцами – тяжелые шлемы, мощная броня, явно какое-то элитное подразделение.

Один из транспортеров резко вильнул, остановился рядом

с нами, клацнула открывшаяся дверца кабины.

– Чтоб я сдох, – пробормотал я, глядя на того, кто из нее высунулся.

Легат Зитирр тяжело спрыгнул на землю, и улыбнулся мне так ласково, как улыбается жертве палач – оценивая толщину ее шеи, крепость позвоночника и угол, под которым надлежит обрушить секиру.

– Вольно, – прорычал он, и мои бойцы расслабились.

Но вот я напрягся еще сильнее – что ему от меня надо, чего он прилип ко мне как репей?

– Вот я думаю – сразу глаз тебе в жопу засунуть, или подождать немного, – объявил Зитирр, подойдя ко мне. – Держи, тебе еще одно послание от высокородного принца... Полюбил он тебя всей душой. Руку давай!

Отмазаться от приказа я никак не мог, и новое кольцо оказалось у меня на пальце. Опять передо мной возник Табгун в понтовом мундире, высокомерный, злобный и страшный, точно голодный тираннозавр.

– Пришло время большой... игры, – начал он, – Гегемон, да править ему тысячу лет, не проживет и месяца, он уже не понимает, кто он такой и в каком мире находится... Упокоившимся – покой, тем же, кто остается – борьба за трон. Стервятники слетаются. Помни, что и ты не останешься... – в стороне. Тебя убьют, как только все раскроется. Сохранить твою никчемную жизнь могу только я.

Голова у меня пошла кругом – сначала он обещает меня

прикончить, а теперь обещает сохранить жизнь? и какое отношение я имею к этой возне среди высокородных кайтеритов, дерущихся за власть? что должно открыться, чтобы меня захотели немедленно прикончить, да и за что меня убивать?

Дайте мне Обруч на пару деньков, отпустите домой, и больше мне ничего не надо!

Табгун смотрел на меня испытующе, и хотя я понимал, что это только изображение, я все равно ерзал под его взглядом.

– Помни, о чем я тебе сказал. У тебя есть немного... времени, чтобы решить. Присоединяйся ко мне. Если откажешься, то смерть смертных покажется тебе легкой прогулкой.

«Да не хочу я к тебе присоединяться, морда ты лошадиная! – хотелось заорать мне. – Оставьте меня в покое! И какого хрена вы все тут изъясняетесь загадками, чтоб я сдох восемнадцать раз?».

Но на этом видение кончилось, и толстые пальцы Зитирра сорвали кольцо у меня с пальца.

– Понял? – спросил тот. – Роба у тебя такая, словно грибов обожрался, гыгыгы!

Краем глаза я заметил, что рядом с нами остановился еще один транспортер, из него выбрался кто-то невысокий и коренастый.

– Что за цирк? – поинтересовался ШаDIR резко. – Десят-

ник в чем-то провинился?

– Ты можешь отправиться со мной прямо сейчас, – Зитирр не обратил на трибуна внимания, только дернул щекой. – Иначе... иначе в следующий раз мы поговорим иначе. Вкуриваешь?

И он хлопнул в ладоши, огромные, мозолистые.

– Куда отправишься? – ШаDIR подошел вплотную, оттер меня плечом так, чтобы оказаться между мной и легатом. – Этот боец вам не подчиняется, и я его никуда не отпущу. Приказ наварха – только тогда.

Трибун покачивался с носка на пятку, и даже со спины было видно, насколько он зол.

Зитирр посмотрел на сородича-шаввана, подняв брови.

– Ты не лезь в серьезные игры, маленькая мошка, а то твой глаз сам знаешь, где окажется, – посоветовал он. – А ты, – бешеные зенки обратились на меня. – Хорошо думай. Быстро думай.

И развернувшись, он зашагал к своей машине.

– Что он хотел? – ШаDIR повернулся ко мне. – Что это за акробатические номера? Конкретная ерунда!

– Если бы я знал, – я покачал головой.

Признаться в том, что сам Табгун, родич Гегемона, шлет мне личные послания? Невозможно! Трибун решит, что я сошел с ума и у меня мания величия!

– Не доверяешь, – сказал он, оглаживая подбородок. – И зря. Я мог бы тебе помочь. Ладно, сейчас подойдут транс-

портеры, загрузимся и до линкора... Пока отдыхайте.

– Есть, – ответил я.

Ну хоть дальше не пешком, и то хорошо.

* * *

– Знааачит так, – Равуда смотрел на меня со злой радостью в алых глазах, и это очень мне не нравилось. – Комуу я могу поручить такое важное и ответственное дело? О да, да... Мне ли не знать?

Мы снова были в трюме, между контейнеров и ящиков, и в брюхе у меня назойливо урчало от голода.

Нас привезли на линкор какой-то час назад, и тут же началась безумная суета. Никакого тебе отдыха или даже душа, кидай оружие, и побежали таскать новые грузы, надрывать-ся и потеть.

– Вот этот штабель, – кайтерит показал на уходящую под потолок колонну из ящиков, – нужно перетащить вон в тот угол... и сделать это, – он улыбнулся, блеснули белые зубы, – ровно до отбоя... инаааче наказание. Займется этим Егорандреев и его бойцы, остальные свободны.

– По почему? – не удержался, выпалил я, сжимая кулаки.

– Что «почему»? – спросил Равуда.

– Если навалиться всем, то успеем, чтоб я сдох! А мы будем возиться до завтра!

Еще я не понимал, зачем перетаскивать штабель с места

на место, что это либо выдумка нашего центуриона специально для меня, либо очередной бессмысленный армейский приказ в стиле «круглое носить, квадратное катать», смысл которого не объяснит даже тот, кто его отдал. Зато четко осознавал – задачу мне выдали невыполнимую, собственными силами мы провозимся до утра, и пропустим не только ужин, но и завтрак.

А жрать после сегодняшнего марша по грязи хотелось невероятно.

И еще – ночью я бы не отказался снова поохотиться за Обручем, если смогу оторвать себя от кровати, конечно.

– Это прикааааз, десятник, – едва не пропел кайтерит.

И вот тут у меня сорвало котелок.

– Да идите вы в жопу со своим приказом! – заорал я, наслаждение бешенства накрыло меня с головой. – Охренели совсем! Может быть мне еще и стены в серый цвет покрасить?! Стрельбище пропылесосить!?

– Если я прикажу, то ты будешь это делать, – вставил Равуда, пока я набирал дыхание для нового вопля.

Бойцы смотрели на нас с откровенным ужасом, кайтерит же наслаждался происходящим. За его спиной хихикал в кулачок Молчун и тупо моргали два здоровяка, каждый больше меня в полтора раза.

– Да вы охренели... – на вторую вспышку у меня сил не хватило.

И наверняка усталость спасла меня от опрометчивого ре-

шения – съездить этому гаду по физиономии, да покрепче. А ведь это вышло бы нападение на собственного командира, за которое и в мирное время трибунал и расстрел, а в военное – тот же расстрел безо всякого трибунала.

– За дело! – рявкнул кайтерит. – Или ты не подчинишься приказу?

– Нет! – и я показал ему фигу.

– Отлично, – Равуда даже просиял. – В карцер его!

И те самые двое здоровяков двинулись на меня, один справа, другой слева.

– Эй, вы чего! – едва успел вякнуть я, руки мои весьма болезненно завернули за спину, в плече хрустнуло, я обнаружил, что смотрю в пол и не могу распрямиться. – Твою мать! Отпустите!

– О нет, – голос Равуды наполнило довольство. – Приказы тут отдаю я, и я тут командир, – тут он нагнулся к самому моему уху и добавил шепотом. – Я же обещал, что ты повешишься? Обещал? И я свое слово сдержу. В карцер его.

И меня потащили прочь, согнутого, кипящего от злости и унижения.

Закрылись за нами двери лифта, тот с гудением поехал вниз, я оказался в слишком хорошо знакомом коридоре. Брякнул замок, в нос ударил тяжелая спертая вонь камеры-одиночки, где из всей обстановки дыра в полу да лампочка на потолке, которая будет светить тебе всегда по заветам Ильича.

Меня пихнули вперед, я выставил руки, чтобы не расквасить нос о стену.

– Сууууки... – прохрипел я, разворачиваясь. – А ну-ка, где вы там?

Но дверь уже закрылась, и те, кто меня сюда притащил, наверняка торопились прочь. Да и они, если подумать, тоже исполняли приказ, и виноват во всем был только Равуда, мерзкий, отвратный подонок!

Я сжал кулаки, собираясь кинуться на дверь, и тут силы меня окончательно покинули. Голова закружилась так, словно ее отвинчивали, и я буквально сполз спиной по стене, опустился на холодный пол.

Какой я уже тут раз? Третий?

Но сейчас меня никто не выручит, никакой Диррг на ручку не придет...

При воспоминании о сержанте-технике из памяти выплыли те шавванские блюда, которыми он меня угощал: тонкие, как веревки, острые колбаски, сплошь капельки жира и зернышки специй, жуешь целым пучком, и слюна буквально капает на пол; лепешки, начиненные хрустящими, поджаренными фруктами, но при этом не высушенными, а очень сочными, как яблоки только с дерева; прозрачный, точно из хрусталя вырезанный цветок с голубыми огоньками внутри – никогда не догадаешься, что это вообще нужно есть, что это не украшение, а деликатес чуть ли не со стола Гегемона. Диррг притащил эту штуку в лазарет, где я восстанавли-

вался после раны, когда Равуда едва не пристрелил меня, и на вкус она оказалась невероятной, каждый лепесток таял во рту, оставляя сложнейшее послевкусие.

Эх, сержант, не болезнь свела тебя в могилу, как ты боялся, а пуля.

Некому придти мне на помощь, и хотя я могу «позвонить» Максу прямо из головы, тот тоже вряд ли захочет меня выручать, он точно на меня обижен, и остальные вряд ли рады тому, что их заставили работать больше... Может явиться Котик, само собой, но вряд ли он прогрызет двери камеры и вытащит меня наружу.

Головокружение отступило, и я немного пришел в себя, чтобы с новой силой ощутить проклятое одиночество.

– Юля, Юля, – забормотал я, – ответь... ты не представляешь, как ты мне нужна... Ответь же!

Раньше я всегда мог положиться на жену, на то, что она меня поддержит, а теперь эта подпорка рухнула. Остались на Земле мать, друзья, но до них я никак не доберусь, даже если выскочу из собственной кожи.

Я напрягся, почка с хрустом вылезла у меня из переносицы... возьми трубку, возьми!

– Чего тебе? – дружелюбия в голосе Юли было не больше, чем в прошлый раз, но самому голосу я обрадовался. – У нас все в порядке, у мамы твоей тоже. Ты возвращаешься? Когда?

– Нет, я...

– Тогда не звони, – и связь оборвалась.

Если бы я не сидел, то у меня наверняка подкосились бы ноги, но и так я ощутил, что падаю.

* * *

Юля была в том халате, который она носила, когда мы только поженились – светло-зеленый, короткий, что едва прикрывает округлую попу и оставляет на виду длинные стройные ноги. Она стояла ко мне вполоборота, грива светлых волос почти целиком закрывала лицо, и мне ужасно хотелось его увидеть.

Я тянулся к ней, пытался что-то сказать, но губы были точно заклеены скотчем. Движения выходили неловкими, медленными, меня то ли кто-то держал за руки, то ли я был смертельно пьян.

Я еще я чудовищно хотел жену, я ощущал болезненную, очень жесткую эрекцию, напряжение в паху. Сорвать этот халатик, обнажить тело, которое я знал до последней родинки, зацеловать ее так, чтобы Юля застонала, открылась навстречу мне, сама не захотела отпускать, и взять ее раз, другой, третий, на сколько хватит сил.

Ощутить вкус ее кожи, запах ее пота, нежность ее ласк, раствориться во всем этом.

Я хотел, я тянулся, но ничего не получалось, и она никак не поворачивалась ко мне, смотрела куда-то в сторону.

– Ю... Юля! – наконец выдавил я, и проснулся.

Эрекция была на месте, но вот жены рядом не имелось, полыхала сверху лампочка, смердела дыра в полу. Поблескивали гладкие стены, черное уродливое пятно на полу, напоминавшее осьминога, намекало, что тут кто-то истек кровью.

Я с трудом сглотнул пересохшим горлом – сон, только сон!

Сесть удалось со второй попытки, и тут же, словно на мое движение, заскрежетал замок. Я подался вперед, к открывающейся двери, внутри полыхнула глупая надежда, что за мной явилась жена.

– И снова в том же месте, ведь так? – сказал трибун Геррат, шагая через порог.

Надежда издохла с тонким писком – ну да, откуда Юле взяться на «Гневе Гегемонии»?

– Снова пытаться будете? – спросил я.

– Ну нет, – контрразведчик смотрел на меня сверху вниз, и в прозрачных глазах его читалось беспокойство: уж наигранное или нет – этого я не мог понять, и даже гадать не собирался. – Ты ни в чем не обвиняешься, кроме глупого неповиновения своему командиру... Задам несколько конкретных вопросов. Но сначала попей.

И он протянул мне фляжку, которую я с жадностью схватил.

Прохладная жидкость смочила горло, и я ощутил, что понемногу начинаю оживать, что в одеревеневшем со сна теле

начинает двигаться кровь.

– Спасибо, дело такое, – проговорил я.

– Не за что, – Геррат опустил на корточки, заглянул мне в глаза. – Легат Зитирр. Командир особого подразделения, что подчиняется непосредственно принцу Табгуну и выполняет такие задачи, о которых даже Служба надзора не всегда имеет полную информацию, что уж говорить о генеральном штабе? Он ведь дважды разговаривал с тобой?

– Ну, разговаривал – громко сказано, – я пожал плечами. – Несколько фраз.

– А чего он хотел?

– Он передал мне послание от принца... ну, кольцо такое на палец. Два послания.

– Да, уникатор, который невозможно взломать и прочитать, который открывается только адресату, – лицо контрразведчика было озабоченным, меж бровей залегла складка. – Что там внутри?

Я сглотнул.

Сказать правду? Или как обычно, ничего не ответить?

Много выгоды принесло мне молчание раньше, когда я изображал героя-партизана в лапах немецких оккупантов? Табгун все равно не отстал от меня, жизнь моя легче не стала. Кроме того, ничего особенно секретного принц в этот раз не поведал, и язык за зубами держать не попросил.

– Там всякая ботва была, – осторожно начал я, помня, что коготок увяз, и всей птичке пропасть, начнешь говорить,

и пропадешь целиком. – Сказал, что Гегемон при смерти, что...

И я вкратце пересказал содержание двух посланий.

– Это все? – спросил Геррат. – Угрозы? Приглашение перейти на свою сторону? Честно?

– Да что вы постоянно думаете, что я вру! – не выдержал я. – Зачем мне это, блин!? Совершенно не понимаю, на кой ляд я сдался этому самому брату вашего императора и чего он имеет в виду!

Но контрразведчик, судя по недовольной физиономии, мне не поверил.

Он открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но тут за дверью камеры послышались голоса и шаги. Она распахнулась повторно, и на пороге появился трибун Шадир собственной персоной, усталый и мрачный.

– Ха, ну и встреча? – буркнул он, уставившись на Геррата без малейшего дружелюбия. – Служба надзора! Что ей нужно от скромного десятника? Очередные фокусы и трюки?

– Я делаю свою работу, – отозвался контрразведчик. – Задаю конкретные вопросы.

– Так вперед, задавайте, – на скулах Шадира набухли желваки. – Только при мне. Очевидно же, если он в чем-то снова подозревается, то об этом должен знать я, его непосредственный командир.

Я думал, что Геррат отступит, но тот неожиданно сказал:

– Мы обсуждаем легата Зитирра. Вы ведь тоже его видели,

ведь так?

ШаDIR хмыкнул:

– Этого урода из придворного цирка? Я сталкивался с ним на «Твердыне Гегемонии». Когда мы вели на этой планете разведку два года назад, и уже тогда эти дрессированные псы Табгуна путались под ногами.

– Принца Табгуна, – автоматически поправил Геррат, на что мой командир ответил ироничной улыбкой.

– Что он делает здесь сейчас, я не знаю, это очевидно, – продолжил ШаDIR. – Обстрипывает грязные делишки для своего хозяина, убирает навоз с арены и все такое... Зачем ему нужен мой десятник, – мне достался сердитый взгляд, – я тоже не знаю, вот так. Отвечать на мои вопросы Егор отказался. Вот это номер, да?

Контрразведчик посмотрел на меня, облизал тонкие губы.

– Еще вопросы есть? – мой командир откровенно давил, он, как и большинство полевых офицеров, к Службе надзора относился с презрением, и это еще Геррата на борту более-менее терпели потому, что у него имелся боевой опыт, и он, когда надо, брал оружие в руки, и защищал линкор вместе с остальными.

– Нет, – контрразведчик поднялся. – Но ты, Егор, подумай над тем, что я предложил.

Ничего он мне не предложил, и последняя фраза явно предназначалась для того, чтобы вбить клин между мной и ШаDIRом, посеять сомнения в душе последнего.

– У, крыса усатая, – пробормотал мой командир, когда мы остались вдвоем. – Поднимайся! Чего разлегся. Пошли отсюда.

– Я свободен? – я неуклюже поднялся, в затекших ногах заколело.

– Не только свободен, но и повышен... – Шадир хлопнул меня по плечу так, что я пошатнулся. – Полчаса назад в лазарете умер командир третьей центурии, и ее отдали Равуде. Ну а ты возглавишь вашу... знаю, что у тебя нет пятнадцатого класса, только тринадцатый... но война, куда деваться?

И тут я пошатнулся второй раз.

Глава 6

Сержант-хозяйственник разглядывал меня с таким видом, словно я признался в изнасиловании его жены.

– Ходят тут всякие, ходят, – проворчал он, потирая пухлую щеку, заросшую зеленоватой щетиной: волосы у всех ве-ша разного оттенка этого цвета. – Воевали бы так! Чего нет?

– Это как «так»? – отрезал я. – Голыми руками, что ли? Ты хоть раз сам в бою был? Пулю на броню ловил?

После отсидки в карцере, пусть и краткой, и беседы с Герратом я был не в самом лучшем настроении, и новость о том, что я стал центурионом, меня тоже не особенно порадовала. Я не хотел командовать, не мечтал становиться офицером, все эти дурацкие армейские приколы в виде дисциплины и ответственности меня совершенно не веселили, и я предпочел бы, чтобы меня просто оставили в покое рядовым бойцом.

Ну разве что подальше от Равуды.

– Не твое дело, – буркнул сержант, с которым мы были в одном звании. – Жди давай. Сейчас все принесу.

Он поднялся из-за стола и укывлял в глубины склада, а я подумал, что мне сейчас достанется самое что ни на есть ба-рахло. Интересно, какое добавочное снаряжение положено центуриону – понятно, что шлем с более мощной системой связи, но ведь должно быть что-то еще!

Веша громыхал чем-то за стеллажами, ворчал так громко, что до меня доносились обрывки фраз «ходят тут...», «воевал он...», «послужи с мое...», «никакого вот уважения...». Наверняка он нарочно тянул время, и мне оставалось только переминаясь с ноги на ногу.

И я решил снова позвонить жене... ну не может же она посылать меня вечно!

– Да, – спросила Юля холодно, когда связь установилась. «Ну хотя бы не «что тебе?» – подумал я обрадованно.

– Э, привет... – сказал я. – Просто поговорить... а то мы вообще не говорим же... Полная ботва же.

– Ну говори. Хотя о чем? Я жду, когда ты вернешься.

– И я жду! Я... – тут я ощутил, как в голове у меня что-то шевелится, словно щупальца ползли там между складками, раздвигали мозговую ткань, двигались медленно, но неостановимо, и это было так мерзко, что я содрогнулся, волна тошноты заставила меня согнуться.

– Что «ты»? Только о себе и думаешь! – выпалила Юля.

И тут я увидел жену – за рабочим столом у нее в больнице, за окном деревья во дворе, ворота, через которые как раз проезжает грузовик, на стене плакат с печенью в разрезе и надписью «ЦИРРОЗ – НАШ ВРАГ!». Картинка оказалась невероятно яркой, я мог различить морщинки у нее на лбу, побелевшие, стиснутые пальцы на смартфоне.

– Ну нет, что ты... дело такое... – я попытался справиться с собой, отогнать назойливое видение.

Но копошение в голове не прекращалось, там что-то менялось, росло и достраивалось. Неужели та псевдоживая штукавина, которую мне вживили тиззгха, продолжала эволюционировать и меняться?

Мысль об этом заставила меня похолодеть от страха.

– Егор, – впервые с объявления о разводе Юля назвала меня по имени, и чуть ли не впервые в жизни мое имя в ее устах не прозвучало для меня сладкой музыкой. – Я сказала. Либо возвращайся сейчас же... либо ты мне не муж больше, ты мне больше никто...

– Подожди, не в этом дело, – наваждение рассеялось, я справился с тошнотой и кое-как распрямился. – Вы можете быть в опасности... Иван не появлялся? Звонил или приходил?

Юля засмеялась, и смех ее звучал принужденно, неестественно.

– Хватит нести ерунду! Пытаешься отвлечь меня? Нет, я его не видела и не слышала. Повторяю – либо ты возвращаешься к нам прямо сейчас, либо ты мне... нам больше никто!

– Но ты не можешь решать за Сашку! – я почти орал.

Ладно мы поссорились, но отбирать у меня дочь, разлучать нас Юля не имеет права! Нет-нет-нет!

– Ты так думаешь? И зря, – слова падали на меня, точно глыбы льда, били по голове. – Пока она мало чего понимает и переживет расставание с тобой легко, а если надо, то и забудет тебя...

Тут я вообще помертвел.

– Нет, ты не сделаешь! – завопил я, но уже в пустоту, со мной никто не разговаривал.

Я застыл, пытаюсь осознать только что услышанное, хоть как-то собраться с мыслями. Должно быть от потрясения увидел перед собой плюшевого пингвина, того самого, которого прихватил с Земли еще в самый первый раз, и черно-белая птица посмотрела на меня сурово, щелкнула клювом.

А затем передо мной оказалась Сашка – на полу, в окружении кукол и прочих игрушек, облаченная в сиреневое платье, которое мы ей недавно купили, с серьезной мордашкой.

– Привет, маленькая, – сказал я бездумно.

– О, папа, привет! – отозвалась она, поднимая голову. – Ты где прячешься?

Дочь, судя по всему, была в детском саду, ну а где ей еще находиться, когда Юля на работе? Судя по виду, чувствовала она себя неплохо, но все равно я замечал признаки болезни, знаки того, что та совсем не ушла, только затаилась.

– Я тебе звоню очень издалека.

– Без телефона? – Сашка улыбнулась, и стала так похожа на мать, что я едва не задохнулся: те же глаза, черты лица, густящие светлые волосы.

– Ну да. Это такое волшебство.

Ага, придуманное облаченными в зеленые чешуйчатые плащи «волшебниками». Добрыми или злыми, я в этот момент не мог решить – ясно, что мне придется за все платить,

но за такое я готов отдать что угодно.

– Как у тебя дела? – продолжил я, любуясь дочерью и чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Хорошо, – сказала она. – Сегодня был противный суп на обед, но я съела.

– Молодец.

Очень хотелось протянуть руку и погладить ее по пушистой макушке, прижать к себе. Я попытался это сделать, но конечность моя каким-то хитрым образом оказалась слишком короткой, я не мог дотянуться.

– Эй, человек, ты заснул? – донесся откуда-то издали скрипучий голос, и я осознал, что это сержант зовет меня, что пора возвращаться.

– Пока, ангел мой, – сказал я. – Веди себя хорошо, и я скоро вернусь. С Котиком.

– Вернись, а то я скучаю, – призналась Сашка, и мне в сердце будто вонзили осиновый кол, тупой такой, обмотанный колючей проволокой.

Вновь мелькнул перед глазами игрушечный пингвин, и я вернулся на тускло освещенный склад, унылый, как склеп. Обнаружил, что сержант пялится на меня так, словно из ушей у меня торчат радужные змеи, а из носа вытекает игристое шампанское, и все это под бравурную музыку из живота.

– Ты припадочный? – осведомился он. – Таращился куда-то и губами шевелил.

– Задумался, дело такое, – отрезал я. – Давай, что там у

тебя.

– Теперь тебе положена бронезащита класса два, – с мрачной неохотой признал веша. – Держи.

На вид она не сильно отличалась, и выглядела такой же потрепанной, как и комплекты для рядовых бойцов – ясно было, что придется ремонтировать, и потратить не один час. Только вот весила она раза в два меньше, это несмотря на то, что отдельные участки имели дополнительное усиление.

– Шлем, – продолжил сержант.

Этот оказался почти таким же, как у десятника, разве что нарост на затылке побольше.

– И аптечка, – и мне достался чемоданчик темно-зеленого цвета с алым кругом на боку. – Пользоваться не умеешь... ничего, мануал найдешь. Блок связи в твоей центурии имеется. Все, свободен.

– Спасибо, что по матушке не послал, – пробормотал я, нагружая снаряжение на себя.

Да, со многим придется разбираться, с той же аптечкой, с тем как функционирует блок связи, нечто вроде рации, но в этот момент такая перспектива меня совершенно не смущала. Теперь я мог разговаривать с Сашкой, даже смотреть на нее, и это воодушевляло невероятно.

Логово сержанта-хозяйственника осталось за спиной, я вышел в коридор.

– Егор! – окликнули меня сбоку. – Э... центурион! Разрешите обратиться!

Я повернулся и обмер.

На меня смотрела, моргая огромными фиолетовыми глазами, стройная девушка, на голове у которой были не волосы, а перья, алые, оранжевые, желтые, и они беспокойно шевелились. Ладони ее были крепко стиснуты перед грудью, а на лице читались тревога и мольба.

– Раз... разрешаю, – буркнул я.

Пира! Предательница-жевательде!

Контракт у нее закончился почти одновременно со мной, и она торопливо покинула «Гнев Гегемонии».

– Я... я... вернулась, в нашу центурию, – сообщила Пира.

– Не буду врать, что рад. Зачем?

Она сдала меня Равуде из обиды, цепляясь за былую в него влюбленность, и ее поступок вскрылся. Естественно, она тут же стала парией, изгоем, отверженной – стукачей не любят нигде, и в армии особенно.

И теперь вернулась?

– Я поступила неверненько. Хочу искупить свой проступок! Прости меня, прости!

Мне показалось, что она хотела броситься ко мне и обнять, и удержала ее только кипа шмоток у меня в руках.

– Хм... ну ладно... Только вот еще что...

– Да, я не буду к тебе клеиться! – перебила Пира, тут же осознала, что перебила командира, и закрыла рот ладошкой.

– Очень на это надеюсь. Очень, – я вздохнул. – Ладно, пойдём. Провожу до казармы.

Каюта центуриона – клетушка три на три метра, кровать, шкаф, стол, санузел. Функционально и просто, девчонок в принципе водить можно, если не очень крупных и не очень много, но пьянку не закатаешь.

Едва я сгрузил снаряжение на кровать, как перегрузка мягко вдавила меня в пол. Мгновением позже пришло сообщение, что «Гнев Гегемонии» стартовал – да, теперь я офицер, и должен быть в курсе того, что происходит с нашим линкором.

Счастье только, что Равуда больше мной не командует.

Со шлемом я разобрался быстро, после чего открыл аптечку – ряды заполненных шприцев в отдельных слотах, внутри нечто синее, изумрудное, ярко-рубиновое, прозрачное, коробки с таблетками, мотки бинта и упаковки пластыря, почти такие же, как у нас на Земле; понятно, что тут не может быть чего-то особенно сложного, все только для первой помощи, от ожогов, раны обработать или укусы, шок или боль снять, кровотечение остановить. Заглянул в мануал, развернул его над браслетом, и быстро понял, что изучить это за пять минут не получится.

– Чтоб я содох... – пробормотал я, вчитываясь в нудное и слишком уж детальное описание того, как действует «подавитель инфекций» на организмы всяческих разумных видов:

кайтериты, шавваны, гирваны, вилидаро и все прочие, кто может воевать за Гегемонию.

Люди в этом списке тоже имелись, в самом конце, и про них лаконично сообщалось «сведений нет».

Отлично, то есть если я вколю себе эту зелененькую жидкость, то произойти может что угодно. Либо все вирусы с бактериями в моем организме поднимут лапки и отбудут в мир иной, либо сам мой организм поднимет лапки и с криком «мы так не договаривались» обрадует меня болями и поносом.

Вот уж точно, «чтоб я сдох».

Мануал, посвященный блоку связи, оказался намного короче, и с ним я разобрался быстро. Сам блок-связи я нашел в шкафу, и понятно, что на себе я его в бой не потащу, отдам кому-нибудь из десятников или бойцов, кто покрепче и повыносливее, как тогда Йухиро таскал на себе за Лирганой. Проверил, работает ли эта штука, строго по инструкции включил питание, убедился, что все нужные огонечки горят, сигнал поступает, передатчик работает.

Говорить в микрофон ничего не стал, хотя искушение было, не скрою.

В этот момент на браслет мне пришло еще одно сообщение, и я вытаращил глаза, обнаружив, что Макс, мой друг... наверное бывший... тоже получил десятника в моей центурии.

Вот это новость!

Итак, кем я командую?

Фагельма, надежная как лом, опытный боец, которая куда лучше бы справилась с центурией, чем я. Дю-Жхе – то же самое, но этот скорее вскроет себе вены, чем примет офицерскую должность в войсках ненавистной Гегемонии... лучше этих двоих и выбрать нельзя.

Юнесса и Макс... ну да, по опыту они в десятники годятся, но вот по темпераменту – не особо. Девушка-занга очень уж взрывная, эмоции бьют фонтаном, а бывший московский хипстер трусоват, не ползет вперед, когда надо.

И парочка персонажей, которых я знал не очень хорошо: кайтерит Батгаб и бюдрака Адриза. Первый славился пристрастием к расслабону и выпивке, но как-то справлялся с делом, о второй бойцы шептались, что такого вредного командира свет не видывал.

И теперь все это мое хозяйство, с которым придется управляться... блин, сто раз блин!

В дверь стукнули, она распахнулась и на пороге объявился Шадир.

– Ну как, обживаешься? – спросил он, отмахнувшись от моей попытки вскочить и отдать честь. – Собери десятников у себя, поговори с ними... Очевидно, что это помогает. Примерно через пару часов нам уже в бой... Попробуем сесть там, где здорово лупят с земли. Цирк настоящий. Действуй...

И он исчез так же быстро, как и появился.

А я вздохнул и отправил вызов десятникам – через браслет-классификатор, который после того, как меня повысили, обзавелся новыми функциями.

– Можно? – первым явился, как я и ждал, Дю-Жхе.

– Заходи, – я вздохнул повторно. – На моем месте должен быть ты, чтоб я сдох!

Ферини ухмыльнулся и ответил одной из пословиц своего народа:

– Мечтал иглохвост по небу летать, так вот только крылья отрасли забыл.

Следом за Дю-Жхе явился Макс, насупленный и растерянный, в компании Юнессы. Последняя глянула с вызовом, так что на спине у меня тут же выступил пот, а ладони и кое-какие другие части тела зачесались.

– Разрешите? – в каюту заглянула Фагельма, за спиной которой виднелась сутулая фигура Батгаба и коренастая – Адризы.

И с этими десятниками мне предстоит воевать.

Только попав на линкор, я думал, что местные центурионы проходят через военные училища, как у нас на Земле. Но теперь я знал, что это не так, что достаточно накопить нужный объем опыта, прокачать навыки, и хлоп – у тебя под командованием сто двадцать бойцов!

А сейчас война, и это назначение можно получить, и не добыв нужный класс.

– Заходите, – велел я, и облизал пересохшие губы. – Дело

такое... ну...

Откровенно говоря, я не знал, о чем с ними говорить, как заставить их поверить в меня? Да, мой навык лидерства прокачан до пяти тысяч, у меня загружен курс ораторского мастерства и три курса психологии, но вот времени на то, чтобы окунуться во всю эту премудрость, нет.

– Это... я совсем не хотел такого, – признался я наконец: не буду играть крутого офицера, скажу правду. – Я не люблю командовать, мне это не нравится... но так получилось. Так давайте вместе сделаем так, чтобы мы все выжили. Один я с центурией не справлюсь. Честно. Только с вашей помощью. Давайте...

И тут «Гнев Гегемонии» содрогнулся, точно некий космический великан саданул его кулаком в бок.

– Что за... – начала Юнесса.

Огромный корабль содрогнулся второй раз, издалека докатился раскатистый грохот. Мне на память пришли слова Шадира – «попробуем сесть там, где здорово лупят с земли», и я похолодел.

Но у бриан не может быть такого оружия, чтобы сбить целый ликнор! Хотя... нет!

Третье содрогание оказалось сильнее двух предыдущих, и я обнаружил, что оторвался от пола и лечу мордой вперед. Коленкой зацепил собственный стол, услышал сдавленный женский вскрик, а потом саданулся головой, да так, что мозг запрыгал внутри черепа, будто одинокая горошина в кастрю-

ле.

Освещение моргнуло и погасло, затем вспыхнуло снова, и меня швырнуло обратно. Мимо пролетел Макс с выпученными глазами, с развевающимися вокруг головы жидкими черными лохмами, и я врезался в мягкое, издавшее отрывистый стон.

Вдалеке завывала сирена, ее перекрыл тяжелый, надрывный голос, донесшийся не пойми откуда:

– Аварийная посадка! Аварийная посадка! Занять места согласно расписанию! Пристегнуть ремни!

Но мы кувыркались внутри маленькой каюты, словно белки внутри тесного колеса. Грохот и скрежет доносились со всех сторон, «Гнев Гегемонии» рыскал туда-сюда, вверх-вниз, желудок мой то подкатывал к горлу, то падал вниз с такой силой, что едва не вышибал днище.

А потом мы врезались во что-то с такой силой, что у меня захрустели все ребра разом, и я отключился.

Пришел в себя почти тут же от боли в вывернутой шее, и понял, что лежу на полу, а рядом кто-то шевелится. Повернув голову, обнаружил Юнессу – в другой момент такому соседству я бы обрадовался, но сейчас испытал только смутное облегчение, что она жива.

Занга пыталась встать, но руки и ноги ее подламывались.

– Что... это было за уродство? – донесся из-под стола слабый голос.

Фагельма – в сознании и может разговаривать.

– Мы упали, – сказал я, проверяя, как слушаются меня конечности.

Башка трещала и кружилась, я наверняка заработал с десяток синяков, но похоже ничего не сломал. По крайней мере я поднялся без особых сложностей и даже отковырял от своей койки Батгаба, у которого текло из носа, а в алых кайтеритских глазах застыло ошеломление.

Дю-Жхе толкнул дверь, и на нас пахнуло свежим и сырым воздухом, запахом прелой листвы, живой зелени.

– Ни хрена себе, – пробормотал Макс. – Вапще.

Снаружи уцелел кусок пола где-то метр на метр, а вот дальше начинались джунгли: переплетение веток, стволов и лиан, шипы и разлохмаченные соцветия. Моя каюта, судя по всему, стояла на поверхности Бриа, точно самый обыкновенный дом, а весь остальной «Гнев Гегемонии» сгинул без следа.

Я бы решил, что у меня галлюцинации, но похоже, мы все семеро видели одно и то же.

Дю-Жхе же преспокойно вышел наружу, отодвинул ветку, загородившую путь, и завертел головой.

– Линкор развалился на секции, – доложил он. – Очень аккуратно. Прямо по швам. Наблюдаю еще три штуки.

– Погоди, – сказал я. – Дай я хоть снаряжусь... А то мало ли.

Десятники мои были без оружия, все их вещи остались в казарме, а та – неизвестно где. Из леса же в любой момент

могли явиться если не аборигены, то агрессивные хищные твари.

Поэтому я торопливо влез в бронезащиту и шлем, ощутил себя куда увереннее с автоматом в руках.

– Так. Осмотримся для начала, – велел я. – Ты, Батгаб, в шкафу блок связи... Бери его. Отвечаешь головой!

Ситуация – убиться веником, один ствол на семь человек, воды и еды нет, что произошло с остальными частями корабля, кто выжил, кто погиб, совершенно неясно. Откровенно говоря, меня не очень волновала судьба «Гнева Гегемонии», но я привык, что он есть всегда – надежное, безопасное убежище, где можно отлежаться, укрыться, отъестся.

И вот теперь его, судя по всему, нет.

А еще сгинул сканер, без которого не найти Сияющий Обруч, да и тот тоже неизвестно где. Но даже если я отыщу первый, добуду второй, то это мало поможет, ведь без портала мне домой не вернуться.

А нужный портал есть только на линкоре, вряд ли бриан подпустят меня к своему, да и не настроены они на Землю.

– Вот засада, – пробормотал я, осознав все это.

Судьба поочередно выбила из-под меня все подпорки: сначала жена пошла на конфликт; затем я поссорился с лучшим другом; а теперь я лишился хорошо продуманного, вполне выполнимого плана и мощной поддержки, которую так или иначе обеспечивал мне «Гнев Гегемонии»!

– Держитесь рядом, – я крепче ухватил автомат и реши-

тельно шагнул за порог каюты.

Глава 7

Под ногой чавкнуло, ступня погрузилась на несколько сантиметров, а когда я двинулся дальше, во вмятине блеснула вода. Вот что нас спасло – мы шлепнулись в болото, а до этого еще налетели на густейшие кроны, смягчившие удар, вон в них виднеется рваная дыра, проделанная нашим «летательным аппаратом».

Удивительно, но моя каюта выглядела так, словно ее аккуратно вырезали из «Гнева Гегемонии» и переместили на Бриа.

Чаща вокруг смотрелась привычно враждебной, через стволы и ветки проглядывали еще три секции от линкора: две маленькие, как наша, упавшие рядом, и одна большая, вытянутая, настоящий металлический барак. В кронах надрывались летучие твари, вдалеке кто-то ревел, то ли жалуясь на жизнь, то ли объявляя о том, что выходит на охоту.

Мы прошлепали по болотистой траве туда, где валялись два серых металлических «кубика» вроде моей каюты, да это и были каюты, вывалившиеся детальки из огромной конструкции. Первая оказалась пустой, а во второй мы обнаружили труп командира первой центурии – он при падении сломал шею.

Но самое главное – и там, и там было снаряжение, автоматы, шлемы, бронезащита.

– Так, Дю-Жхе и... Фагельма – вооружайтесь, – приказал я: эти двое самые опытные, а ферини еще и лучше всех стреляет, так что обиду на лице Юнессы я решил игнорировать. – Батгаб, давай сюда блок связи... попробуем хоть с кем-нибудь связаться, понять, что творится.

– Мы думаем, что все про-пропало, – выдавил десятник-кайтерит, причмокивая и дергаясь: о, я хорошо знал эти симптомы – ему не хватает расслабона, очередной дозы. – Поэтому мы...

– Не думай, а приказы исполняй! – рявкнул я.

Мануал я прочел только что, и поэтому кое-что помнил – блок связи ожил, вспыхнул виртуальный экран, из наушников донесся треск. Я принялся вертеть регуляторы настройки, и треск сменился бодрым голосом, который вещал «Зона крушения простирается на триста километров с юга на север и пятьсот с запада на восток, местность гористо-лесная, испещрена реками и болотами, труднопроходимая. Для спасательной операции на поверхность будут направлены специальные силы Внешних секторов под командованием легата Зитирра, высадка их ожидается через шесть стандартных часов, точка высадки уточняется. Призываем всех уцелевших сохранять спокойствие и занять круговую оборону. Помощь идет. Вы все будете эвакуированы во славу Гегемонии, и никакие дикари-бриан этому не помешают».

Услышав имя «Зитирр», я похолодел – этого типа еще тут не хватало, опять начнет надевать мне на палец кольца с по-

сланием или решит, что пора меня прикончить, и кирдык. Потом я сообразил, что раз идет такое вещание, то центр управления линкором, рубка, штаб и наварх уцелели, тоже мягко приземлились где-нибудь в этой самой «зоне крушения».

Вот только как понять, где они и где мы?

Система ориентации, встроенная в мой шлем, не работала, я не мог вызвать карты. Может быть, я просто не умел ей пользоваться – тут все выглядело куда более навороченным, чем у десятника, а может быть вся информационная сеть не функционировала, и это не выглядело удивительным.

Ведь «железо» – внутри линкора, а тот развалился на куски.

– Командиры целы, – коротко сообщил я своим. – Сейчас попробую выйти на связь... Эй, прием!

Но вот с этой задачей я не справился – я находил голос, продолжавший вещать то же самое, обнаруживал еще какие-то обрывки сообщений в океане статики, но сколько ни вопил в микрофон, на мои слова никто не реагировал.

– Дело швах, – я наконец сдался и снял наушники. – Батгаб, забирай эту штуку. Посмотрим, что там.

И я указал туда, где за деревьями блестела стенка большой секции.

По размеру это могла быть казарма одной из центурий... или склад, или столовая... или вообще что угодно, кусок рабочей зоны с мастерскими или с теми же порталами... рабо-

тают ли они?

От мысли о том, как теперь искать Обруч, мне захотелось выть.

Мы двинулись через заросли, зашелестели отодвигаемые в стороны ветки, треснул под ногой сучок, второй. Я заметил впереди движение, и тут тишину разорвала очередь, пули зацокали по стволам. Я упал наземь, пополз к ближайшему дереву, Дю-Жхе оказался за соседним, осторожно выглянул.

– Бриан? – спросил я.

– Нет, форма наша, – отозвался ферини.

– Эй! Вы! Там! – заорал я, когда стрельба затихла. – Говорит центурион Андреев! Третья когорта, второй манипул! Мы свои!!

– Егор?! – донесся знакомый хриплый голос. – Братва, так это командир нашелся! Провалиться мне через горизонт событий!

Ррагат!

Никогда не думал, что так обрадуюсь этому шулеру!

– Не стреляйте! – рявкнул я. – Мы выходим.

Я медленно поднялся, и в полусотне метров от меня из кустов выдвинулась фигура в таком же, как у меня снаряжении. Зашагала навстречу, и вскоре мы с Ррагатом уже обнимались, хлопали друг друга по плечам, и он торопливо рассказывал:

– Да почти все живы, зуб даю. Многие помятые, да... Оружие есть, амуниции немного. Жратвы нет.

Вот везуха – рядом с нами упала казарма нашей центурии, хотя она куда дальше от офицерских кают, чем логовище первой, второй, четвертой и пятой. А они куда сгнули? Интересно.

– С едой сейчас решим, – я повернулся к Дю-Жхе. – Давай на охоту.

Он кивнул и исчез в зарослях, а я двинулся наводить порядок – вот чтоб я сдох, никогда не думал, что вообще буду кем-то командовать, и представить не мог, что в таких экстремальных условиях!

Первым делом я выставил часовых и велел похоронить погибших, которых оказалось семеро. Затем мы вытащили из казармы все, что только могло пригодиться, и занялись инвентаризацией – автоматы исправные или нет, патроны, гранаты, какие-то личные вещи.

Дю-Жхе вернулся быстрее, чем я ожидал, и приволок животину, похожую на оленя, если не приглядываться к ногам и страшной морде вроде лягушачьей. Запылал костер, и по лесу потек аромат жареного мяса, от которого судорогами сводило брюхо, где дрались за первенство кишки, и слюна текла, словно у того же Батгаба.

– Ладно, на один короткий бой хватит, – сказал я, когда с подсчетами было покончено. – Уже хорошо. Давай, за ужин...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.